

# КОМБАТ НАЙТОВ



## РОДИТЕЛЬ «ДУБЛЬ ДВА»

Комбат Найтов

**Родитель «дубль два»**

«Издательство АСТ»

2020

УДК 821.161.1-312.9  
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

**Найтов К.**

Родитель «дубль два» / К. Найтов — «Издательство АСТ», 2020

Он испытывал ракеты морского базирования, пережил катастрофу, летел в Сирию «разрушать госпитали и школы бородатых детишек». Но кто-то сверху предоставил ему возможность кое-что исправить в этой истории. Не попав к месту назначения, оказался «в голове отца», в 1938 году в городе Ленинграде. Зная, через что предстоит пройти отцу, решил помочь, начав со сдачи устного экзамена по математике. Это повлияло на дальнейшую жизнь: вместо срочной службы в РККА, отец сразу поступает в летное училище, а увлечение радиотехникой приносит первые успехи по службе. И пока неизвестно, как это повлияет на судьбу близких людей и судьбу всей нашей страны.

УДК 821.161.1-312.9  
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

© Найтов К., 2020  
© Издательство АСТ, 2020

# Комбат Найтов

## Родитель «дубль два». роман



© Комбат Найтов, 2020

© ООО «Издательство АСТ», 2020

\* \* \*

Я направлялся к новому месту службы, так сказать, «дембельский аккорд». Борт сел на дозаправку, ночь, притихшие терминалы нового аэропорта Адлер. Жутко дорогой кофе возле выходов № 4–5 на посадку. Затем проход к развозке, посадка и семьдесят секунд полета. Не свезло. Подъемная сила появляется только на скорости, она и умение летчика держат самолет в воздухе.

Впрочем, мне не привыкать, хотел стать летчиком, учился в ДОСААФ, подлётывал с отцом и с его подчиненными, но зимой, учась в десятом классе, на Чегете во время спуска упал не совсем удачно. И когда казалось, что все кончится хорошо, на пути падения оказалось дерево. Черепно-мозговая травма, с огромным шрамом под бровями, и суровый приговор медиков: «Вы годны в истребительную авиацию, но через пять лет мы вас спишем». Отец предлагал пойти в Сызрань, на вертолеты, дескать, и блат там имеется, начальником училища служит его бывший курсант. Перегрузки на вертолетах небольшие, летать будешь долго. Но я заочевряжился и выбрал ВВМУПП, второй факультет, крылатые ракеты. По молодости лет я думал, что буду не только стрелять, но и делать их, в смысле конструировать. При поступлении выяснилось, что это – детские мечты. Масса комаров в «Сивой кобыле» (лагерь училища находился на форту «Серая Лошадь»). Сам форт практически отсутствует, только бетонные стены дальномерного поста управления стрельбой да остатки оружейных дворики. В лесу металлические полубочки для проживания курсантов, несколько домиков для командного состава и обслуживающего персонала лагеря. Наряды на камбуз, караул, строевые занятия и курс молодого бойца, крепко приправленный комарами. Четвертый курс, плавательская практика в Видяево, на «раскладухе», умудрился сдать на самоуправление боевым постом и на несение ходовой вахты, получил вызов в «семерку», в 122-й экипаж. Был горд и доволен собой, так как ходили упорные слухи, что весь курс будет направлен в БРАВ и на полигоны. Своего будущего командира, капраза Ивана Александровича Семенова, вспоминал просто с восхищением.



Выпуск! Две маленькие звездочки на погонах, кортик – и большой скандал с супружницей: «Ты едешь в эту дыру, а я остаюсь в Питере!» Чем заканчивается подобное сосуществование, я с курсантских времен знал, на личном опыте. Была подружка, проживавшая недалеко от Финбана, с которой несколько месяцев поддерживались более чем плотные взаимоотношения, до тех пор, пока не выяснилось, что у нее есть муж, закончивший первый факультет три года назад, и который служит в Гремехе. В общем, до штаба 7-й дивизии через месяц я добрался холостым, но обремененным алиментами. В штабе пробыл всего сорок минут и выехал обратно в Мурманск, где вначале угодил на «губу» в Североморске, за нарушение формы одежды, а затем смог выехать по месту службы: «моя» лодка встала на ремонт и переоборудование на «Звездочке», в городе Северодвинск.

Командир не терял времени и учился в Ленинграде в Академии имени Гречко. Вместо него – капраз Дурышев, который на мои допуски даже и не посмотрел, определил меня «на берег», гонять матросиков от казармы до пирсов, и на лодку я попадал только на «экскурсию», когда что-нибудь происходило и требовалось доставить очередного, перебравшего, «годка» до местной гауптвахты. Лодку перевооружали на «Базальты», более дальнобойную модификацию стандартных П-6 или П-35 (комплекс для надводников). Собственно, этот комплекс превращал сами лодки и их экипажи в смертников: точка пуска находилась в радиусе действия авиации авианосной группы противника, а приходилось всплывать для пуска. Залповая стрельба была возможна только с восьмисекундной задержкой между ракетами, иначе маршевый двигатель не запускался из-за пороховых газов предыдущей ракеты. Это было оружие надводных кораблей, но за неимением гербовой имеют кухарку.

Даже в училище обучение было поставлено несколько лучше. Плюс все носились с идеей получить звание «Лучший экипаж», поэтому на «учебу» был забит флотский болт, меня полтора года «вносили в режим», до этого я даже просматривать «спецлитературу» не мог. В общем, пока на берегу не столкнулся с комдивом, носившим очень известную фамилию – Калашников, вся служба проходила между матросской столовой и казармой.

В тот день я, как обычно, стоял помощником дежурного по части в/ч 81275, дежурный съел что-то не то, в общем, отсутствовал, пришлось докладывать «высокому начальству». Владимир Сергеевич лично давал разрешение Семенову принять у меня зачеты в том памятном дальнем походе, поэтому задал вопрос: как послужится? На что я и вывалил все, что накопилось. В том числе, что до сих пор не имею доступа к вооружению, которым предстоит пользоваться. В общем, испортил идиллическую картину, созданную командиром лодки в глазах начальства. Результат не заставил себя долго ждать: допуск мне открыли, но перевели в в/ч 81275-а, во второй экипаж. Стало понятно, что дальнейшая служба на этом «корыте» практически закончена.

К этому времени я уже вполне освоился в Северодвинске и задействовал связи, наработанные в ресторане «Двина». В результате официально перевелся в Ненёксу. Там испытывался «Гранит», ракета, предназначенная специально для КрПЛ, ее «уменьшенный вариант» «Оникс» и «суперракета» «Метеорит-М». Где, собственно, и прошла моя служба от командира группы до замначальника полигона по научной части. Последнее назначение тоже было связано с полигоном и испытаниями. Предстояло выполнить целую серию подводных пусков новых ракет «Калибр» по реальным целям на берегу и, в случае чего, по нескольким авианосным группам в Средиземном, Красном морях и в акватории Персидского залива. Что касается «применения», то я настрелялся всеми принятыми и непринятыми на вооружение ракетами по самое «не хочу» и вполне серьезно собирался в отставку, в маленький домик на берегу Чудского озера, но не судьба.

Упали мы в море, «канадку» я успел снять и засунуть ее в ящик над головой, сидел в мундире капитана 1-го ранга, стареньком, «второго срока». Времена, когда каждый курсант мог пошить себе мундир и «фирменную мицу», давно канули в Лету. Нас переодели в «иудуш-

кина», а на голову нахлобучили нечто непотребное, под кодовым названием «пидорки с “курицей”». Этого же «цыпленка-табака» прилепили на плечо. Комплект такой лежал в чемодане, я его иногда надеваю, когда начальство неразумное приезжает, а так хожу в форме «старого образца». Так как седой, как лунь, то никто на эти причуды внимания не обращает, тем более в Архаре или Северодвинске, а дома, в Ненёксе, я в основном в спецовке хожу, пардон, ходил.

Так на чем я остановился? А, на море! Не все оказалось так однозначно, к Нептуну я не попал, никого из знакомых не встретил, даже тех, кто сидел на соседних креслах. Мундир и даже нижнее белье кто-то упер. «Уже же наши души, голенькие, стояли меж алкоголиков и утренних крестьян...». Стою, как на медкомиссии, на всякий случай прикрывая непотребство руками. Никого не вижу, синеватый свет исходит прямо от стен, но иногда кто-то пихается, задевая в проходе. Скорость «приема» здесь высокая, шагать не нужно. Судя по всему, дефицит душ здесь высокий.

Сменился цвет, появилась расплывчатая фигура. Перед ней что-то вроде монитора, но видно не резко, я даже глаза протер, может, поэтому расплывается. Ни одного вопроса. Свет сменился на полную темноту, длилось это довольно долго, я даже подумал, что это – всё. Вдруг через неплотно закрытые глаза вижу окно с неплотно задернутыми тяжелыми занавесками. И утренний свет, пробивающийся через них. И дребезжание трамвая. Мне захотелось встать и подойти к окну. Но тело даже не дернулось. Наоборот, взяло и отвернулось от окошка, да еще и накрыло голову одеялом. Глупейшее положение!

Похоже, меня «подкинули» куда-то и к кому-то. Пытаюсь определиться, провести что-то вроде определения топологии сети. Это не ад и не рай, никаких гурий, ангелов, богов. Ничего не видно. Где-то стучит сердце, чувствуется ровный пульс. Громко тикают часы, терпеть не могу этот звук. Иногда за окном слышен трамвай. А сейчас кто-то метет улицу. Послышалось: «Доброе утро, Пал Иванович!» «Доброе утро, Клавдия Михайловна». По-русски! Тоже хорошо, но где же я? Звонок! Металлический, противный. Тело начало еще больше заворачивать голову в одеяло, затем пошевелилось и выключило неприятный звук. Какой-то гад включил радио, и женский голос сказал: «Петя, вставай!» Ни мыслей «хозяина», ни его тела я не ощущаю. Просто «присутствую». Больше похоже на ад, но прикольно, как сейчас модно говорить. Скрипнула дверь, чьи-то шаги и звук отбрасываемых штор. «Хозяин» приоткрыл глаза и хрипловатым голосом сказал: «Я уже проснулся!» – «Так, мы уходим! Завтракай, и не опаздывай. У тебя математика сегодня!» – «Я помню!» – «Готов?» – «Всегда готов». Я, наконец, увидел женщину, которая это говорила. Лицо почему-то знакомое, но вспомнить ее я не могу. Красивая фигура, форменное платье белого цвета с золотистыми надраенными пуговицами с якорями: четыре пуговицы вниз, плюс две на карманах на груди. На левом рукаве одинокий шеврон клювиком вниз. Широкий кожаный ремень с массивной бляхой со звездой и якорем. На боку португеза и кобура, из которой торчала рукоять «нагана». Белокурые волосы уложены в тугой комок сзади. Где-то я эту женщину видел, но вспомнить: где, я не мог. «Хозяин» сел в кровати, увернулся от поцелуя, его потрепали по голове, он потянулся и встал. Подошел к окну. Этот пейзаж я ни с чем не перепутаю: за окном текла Нева, слева – мост лейтенанта Шмидта, прямо перед окном Адмиралтейские верфи. Справа виднеется стоящий у причала на достройке довольно большой корабль с башнеподобной мачтой. Я такой никогда не видел. Похож на «Киров», но у того дальномерный пост стоял на четырех опорах. Скорее всего, это – «Максим Горький». Черт, сороковой год? Охренеть! Стоп! В сороковом он уже флаг поднял и был сдан флоту. А этот – достраивается. Может быть, не «Горький»? Или не сороковой год. Ничего не понимаю! Вот ураздило!

«Хозяин» вышел в коридор, в комнате – две двери, сходил в туалет, с кем-то поздоровался, вернулся в свою комнату и приступил делать зарядку. После этого я увидел его лицо в ванной: узкий нос, очень темные волосы, на мать, если эта женщина – его мать, совершенно не похож. А вот прищур глаз – ну очень знакомый! Возникло такое же впечатление, что я его

видел, но узнать не могу. Ему лет шестнадцать, шупленький, невысокий, с густой черной шевелюрой. Он нацепил какие-то брюки, больше похожие на шаровары, из-за застёжек внизу, рубашку, вытащил из стола командирскую сумку и вышел в соседнюю комнату. Она много больше той, в которой он только что находился. Там стояло три кровати, но две из них были детскими. И тут меня как пыльным мешком по голове стукнуло: над большой кроватью на ковре висела шашка с орденом Красного Знамени и «маузер» в деревянной кобуре с золотой нашлепкой. Это оружие я знаю с детства, еще бы номера посмотреть. Это оружие моего деда Василия. Я его никогда не видел. Не сохранилось к году моего рождения ни одной фотографии. Все, что было в этих комнатах, кроме этих двух предметов, сгорело во время блокады. После войны шашку «разоружили», поставили вместо клинка кусок обычного железа, а у «маузера» не стало бойка и появилось два отверстия, в одно из которых вкрутили болт, который мешал затвору подать патрон в патронник и закрыться. Это уже при Хрущеве. Так это – бабушка? А это – мой отец? Что за шутки? Для чего? Чтобы я осознал свою вину перед ними? Или для того, чтобы я лучше узнал их?

Петр, с чайником в руках, пошел на кухню. Квартира – коммунальная. В ней четыре или шесть комнат, одна кухня, туалет и ванная. Три керосинки, ведро с водой стоит рядом с ними. Противопожарная безопасность, наверно? Три коробка спичек и пустая банка из-под консервов для сгоревших спичек. Центрального отопления нет, в маленькой комнате есть дверца для печи-голландки, с помощью которой обе комнаты отапливаются. Так что Петя в осенне-зимний период истопником подрабатывает. Дату я уже увидел: 20 июня 1938 года, понедельник. Об этом, ленинградском, периоде жизни отца и бабушки я мало чего знаю. Помню, что она работала в училище имени Фрунзе, преподавателем, а отец здесь закончил десять классов, не поступил в военное училище, в какое – он не говорил, и записался добровольцем в РККА. Да, еще тетя Нина родилась здесь, но в каком году – я не помню. В общем, помалкивали они оба об этом периоде почему-то. Ладно, разберемся, может быть, для этого меня сюда и отправили? Завтрак состоял из яичницы, двух бутербродов и стакана чая с одной ложкой сахара. Сколько помню отца, он меньше трех-четырех ложек на стакан никогда не клал.

О-па! Талоны! Он аккуратно вырезал несколько штук, достал из шкафа кошелёк, вынул оттуда несколько бумажек и сунул в карман. Из другого достал горсть мелочи и пересчитал. Что-то положил туда, где лежали бумажки, а остальное сунул в кармашек для резинки на командирской сумке. Посмотрел на часы и, быстро нацепив тряпочные туфли, выскочил на лестницу. Ключи от комнат и квартиры положил в сумку. Оттуда вытащил складной нож и сунул его в карман. Сумку через плечо и зашагал по набережной в сторону моста. Через квартал свернул на 10-ю линию и оказался у дверей школы. Довольно большая толпа, 60–80 человек, старшеклассников стояла перед дверьми и воротами во внутренний двор школы. Все что-то читали и зубрили, а этот стервец даже в сумку не залез. Впрочем, через пару минут он из нее вытащил мятую пачку «Севера», прикурил у кого-то и разболтался о каких-то пустяках с парой таких-же обалдуев, как и сам. Сейчас завалит экзамен! Тут я вспоминаю, что один раз у него прорывалось, что математику он одолел уже в 42-м, когда ему пригрозили, что из училища авиационного отчислят. За месяц выучил и сдал на «отлично». Тут меня зло разобрало, что не могу повлиять на ситуацию, и я стал придумывать, как до него достучаться. Он пару раз коснулся затылка, сказал, что проснулся среди ночи от резкого щелчка в этом месте, так и побаливает почему-то. Затем они затушили папироски, потому что открылись двери, и стали запускать вовнутрь. Там рассадили всех по одному через парту. Перед этим ребята получали листок с билетом, которые были разложены на столе преподавателя. Петр вытащил билет № 13, весь сморщился, сел за парту, сумка осталась у дверей класса. На парте было два простых карандаша, ручка и чернильница. Взял листок черновика, карандаш и затих. Я посмотрел на билет, а что там решать?! И я начал мысленно проговаривать решение, не как ему, а как себе.

Доказали теорему Паскаля, построив линию NMP. Решили задачу и доказали теорему синусов. И через десять минут Петя поднял руку.

– Чего тебе? Что-нибудь забыл? В туалет не выпущу, – спросил учитель.

– Да нет, я готов, Александр Иванович.

– Куда готов?

– Отвечать.

Преподаватель подошел к парте и проверил содержимое самой парты, там ничего не было.

– Рубашку задери!

– Да не списывал я.

– Ну, прошу!

– Билет номер тринадцать, первый вопрос: теорема Паскаля. Если в окружность вписан произвольный шестиугольник, то точки пересечения противоположных сторон находятся на одной прямой...

Память у него была «лошадиная», сколько его помню, просто приехал он в Питер поздно, а там, где жил до этого, учителя как такового не было, и большую часть времени школа не работала. Шла война, героические пограничники и части ОГПУ гоняли басмачей, в школе преподавали на таджикском, киргизском и узбекском. Русские школы были только в городах, что-то успевала дать мать, в перерывах между постоянными командировками. В дневнике стояли отличные оценки, а когда приехали в Ленинград, тут и выяснилась глубина этих пробелов. Предлагали закончить обучение и идти в фабзауч. Но по гуманитарным предметам были сплошные пятерки, поэтому скрепя сердце ставили «три».

– Так, интересно! А что ж ты мне письменный-то завалил? Ну-ка, садись обратно. Держи! Решай, Петя, решай.

Угу, упростить выражение? Так, поехали! Сюда, сюда, меняем знаки, сокращаем, получаем. Готово!

Задача... Это – «Х», это – формула, вот это – в скобки, вычитаем, делим, ответ. Система уравнений... выражаем одну переменную через другую, подставляем, одно решение, подставляем, второе решение, ответ. Едем дальше, тригонометрическое уравнение: превращаем единицу в сумму квадратов обратных функций, сокращаем квадрат косинуса, выносим синус на скобки, получаем  $\sin x \cdot (\sin x - \cos x) = 0$ . Отсюда:  $x_1 = \pi \pm 180$ ,  $x_2 = \pi/4 \pm 180$ .

– Готово, Александр Иванович.

– Марь Федоровна! Вы это видели?

– Видела, я всегда говорила, что Петруша – поразительный мальчик, сообразительный, но – ленивый, и пока его петух в темечко не клюнет, так и не пошевелится. Пусть переписет начисто, и не карандашом, а ручкой. Медаль мы ему дать не сможем, у него тройка за прошлый год, а в аттестат пойдет пятерка. Садись, Петенька, пиши.

Тот тяжело вздохнул и своим бисерным почерком быстро переписал с черновика второй вариант годового и выпускного экзамена по письменной математике. Через пятнадцать минут оказался на 10-й линии перед школой. Завтра выпускной, а сейчас он свободен, как птица. Его мысли я читать еще не научился, а вот передавать свои уже могу.

– Петр! Сдал? – спросила его девушка в красивом белом фартуке, подошедшая сзади.

– Сдал, и переписал письменный.

– Как переписал?

– Ну, помнишь, Саня-Ваня говорил про тринадцатый билет на консультации. Вот он мне и достался.

– Ну и?..

– «Пять». Он еще шесть дополнительных вопросов задал, и я на все ответил, сам не знаю как, но ни разу не ошибся. Тогда он дал мне второй вариант контрольной, я же первый



писал, ну и... как обычно. А здесь все четыре примера за пять минут решил. Мариша была ассистентом и все видела, сказала, чтобы переписал начисто, и тогда в аттестате будут одни пятерки. Ну, чо, как обещала: рекомендация с тебя!

– Ну ты же с пересдачей сдал на «пять».

– Но сдал ведь, уговор дороже денег, и в протоколе это записано. Так что завтра отдашь мне рекомендацию, в райком сам сбегая.

– От тебя не возьмут, вместе пойдем.

– Вместе, значит, вместе, Кать. За тобой зайти? Во сколько?

– Нет, из школы пойдем, после выдачи аттестатов. Пока будут родителей поздравлять, успеем туда и обратно.

– А вдруг никого не будет? Всё бюро разойдется по школам, ищи их. Давай сегодня?

Комсорг наморщила лобик и нехотя согласилась. Через полчаса она появилась снова из дверей школы, возле входа которой уже было гораздо больше людей, выходили счастливики, сдавшие устную математику, но Петр, несмотря на то что не успевал пересказывать вновь и вновь приключившуюся с ним историю, все-таки посматривал на дверь.

– Эй, вы куда? – раздалось несколько голосов.

– Я сейчас вернусь, мы в райком РКСМ. Я обещала, если сдаст без троек.

Пять кварталов по тенистому Большому, правда молчком, с Катей он почти не разговаривал, и вообще, было заметно, что они не дружили.

– Петя, а ты так и не сказал, в какое училище хочешь пойти.

– В самое далекое, чтобы отчима не видеть. Маму, правда, жалко.

– А что так?

– Злой он, и жадный. В общем, у мамы, меня и Верки одна бухгалтерия, а у них другая.

Если я уеду, то Верке больше будет доставаться.

– А мне казалось...

– Да ты ж его никогда не видела.

– Как не видела, видела, они по выходным на набережной гуляют втроем.

– А нас – пятеро. Поняла?

– Теперь поняла.

– Может быть, если я уеду, Веруська с Нинкой вообще-то не разлей вода, то Верке легче будет. Она еще маленькая...

В здании райкома Петр немного потерялся, потому что Катя бегала туда-сюда, кого-то разыскивая. Наконец, появилась, уже без школьного фартука.

– Так, Ночных, сказали, чтобы ты сам подошел в тринадцатый кабинет. А я пойду, держи свою бумагу. До завтра.

В тринадцатом кабинете сидел молодой бровастый капитан с эмблемами кавалериста. Петр, вся жизнь которого в основном прошла на пограничных заставах, четко отрапортовал о прибытии.

– Садитесь, товарищ Ночных, вот вам анкета, заполняйте. – Сам он продолжал заниматься другими документами, куда-то уходил и приходил, а Петр на небольшом столике заполнял свою анкету, пропуск в другой мир. Пришлось немного помочь, тем, что знал, и что не захотел писать этот очень самостоятельный человек. В том урезанном виде его анкета просто не пройдет.

– Готово?

– Готово, товарищ капитан!

– Так! Ух ты, из дворян! – довольно улыбаясь, проговорил капитан, как будто бы врага народа поймал.

– Из дворян, товарищ капитан, и папа, и мама, но вы читайте дальше, отец – с 1913 года в партии. Еще до войны, до той войны. Георгиевский кавалер, кавалер ордена Красного Зна-

мени, и награжден золотым революционным оружием. Вручал лично товарищ Сталин. Оружие у меня дома висит. Могу показать подпись товарища Сталина на этом документе. Мать вместе с ним воевала, была начальником штаба, а я в тачанке родился в шестой армии РККА. Командовал ею бывший генерал-майор Генерального штаба Самойло. Отец с ним всю Империалистическую прошел и всю Гражданскую. Он мой «крестный», и не потому, что меня крестили, а потому, что он предложил меня Петром назвать. Это – который Перекоп брал в двадцатом.

– Почему мать ушла из НКВД?

– Потому что ее непосредственным начальником был назначен человек, лично ответственный за смерть моего отца.

– Фамилия!

– Кого?

– Того человека.

– Капитан госбезопасности Соколов.

– А вы когда в Туркестан приехали?

– В двадцать третьем. Уехали в тридцать шестом.

– Почему?

– Мать замуж вышла, а Ночных перевели в Ленинград.

– А фамилию почему сменил?

– Ночных настоял, мать его поддержала, я не хотел. Но мать очень просила, это еще там было. Голодали мы, брат мой, младший, умер в Оше, от голода. Мать хотела оттуда уехать.

– Так Мадамин-бека при вас?..

– Да, отец руководил этой операцией, а мама была его начштаба.

– Я подпишу тебе направление. Вспомнил я эту фамилию. Хвалили его очень. И жену его тоже хвалили. Лично не знал, но их всегда в пример ставили. Так, давай смотреть: здесь мест нет, команда набрана. Стоп! Сбил ты меня! Медкомиссия?

– Есть. Прыжки с парашютом – есть, и год и три месяца в аэроклубе, летная книжка есть. Самостоятельно не выпускался.

– Тогда всё, смотрим дальше. Нет, нет, тоже все забито, что ж ты так поздно?! Угу, есть, но в дополнительном наборе, одно место. Учти, можешь просто скататься, если всех, кто по списку, возьмут. Зато у теплого моря побудешь. Деньги-то есть?

– Ну, скопил немножко.

– Ты их там не транжирь, туда-то ты доедешь в команде, а обратно платить за всё придется.

– Да у меня билет в один конец, товарищ капитан. Если что – там останусь, хвосты самолетам заносить.

– Ну, гляди! Мать пожалей, ты ей здесь нужен будешь. Держи повестку, время там указано. Давай!

Петр буквально вылетел из тринадцатого кабинета! Выскочил из райкома и побежал домой. Тут вмешался я:

– Куда бежим? Там никого нет, так что радоваться некому. Надо идти в школу.

Тут я впервые разобрал его мысли: «Блин, дурь какая! На фига мне в школу? Чё за ерунда, я ж ее закончил!

– Нужна лаборатория, надо сделать платинит. Давай-давай! Шевели ножками, сумку забыл!

– Ой, блин! Папина сумка!

И Петр прибавил ходу, почти бежал по Большому проспекту по левой стороне, по самому пеклу. Свернул на Десятую, пробежал мимо штаба базы, ЛенВМБ. Слезно молил Дарью Степановну, что забыл сумку в двадцать первом кабинете. Сумка оказалась на месте, и после

этого я направил его в химическую лабораторию. Там сидел лаборант Лева, который готовился к экзамену в Техноложке.

– Лева! У тебя никель есть? – спросил я его через Петра.

– Ну и чё? Есть.

– Мне нужно пятьдесят или сто граммов.

– Столько не дам. А у тебя папиросы есть?

– Есть, но столько – не дам.

– Жмот. Три папиросы, и по рукам!

– Идет! – Поменялись.

– Теперь на третий этаж, в физику, – дал я ценное указание Петру. Тот почесал затылок, но пошел наверх.

Лаборантка Настя сидела в лаборатории и скучала: Виктор Николаевич ушел к Марьяше, директору, и уже почти час оттуда не возвращался. А Насте наскучило сидеть взаперти в узком и длинном кабинете лаборатории. За окном сверкало лето, столь редкое в наших широтах, по набережной бродили курсанты «Фрунзэ», завидные женихи, у которых закончились занятия. Настя сегодня надела новое платье, купленное позавчера по талонам на галантерею, и мечтала познакомиться с очередной жертвой, а не ждать танцев в училище. Ее мысли нарушил несносный Ночных:

– Анастасия, а где Виктор Николаевич?

– У Марьяши, обещал вернуться.

– Индукционку починили?

– Ну и что? Опять хочешь сжечь?

– Да нет, ты же помнишь, что Татьяна просыпала флюс, вот она и бахнула. Мы тут с Николаичем хотели новый сплав сделать. Я компоненты принес.

– Ты ври, да не завирайся! Мне об этом – ничего не известно. Вот журнал, здесь никакого 10 «Б» нету. – Настя показала высунутый язык Петру. Тот порылся в своей сумке и вытащил из нее записку, где рукой Яхонтова, школьного физика, было написано: предоставить оборудование.

– Ты мне ее уже показывал, и не один раз.

– Так опыт продолжается!

– Жди Виктора Николаевича, или сходи за ним.

Пришлось идти вниз и заглядывать к Марьяше. Перед этим Петр на листке написал: Платинит: Ni-C-Fe сплав 33,3:33,3:33,3.

Виктор Николаевич вышел из кабинета директора:

– Что хотел, Петя?

– Виктор Николаевич, я тут никель добыл, чтобы сделать новый сплав для ножек радиоламп. Смотрите!

– Так, Петя! Никель расплавить просто так не удастся, он окислится.

– Под флюсом, в качестве флюса – стекло.

– Годится! Затем добавляешь железо, и только после этого – уголь. Древесный не сыпь, лучше добавлять графит. Постой, а зачем?

– Лампу хочу сделать, пентод.

– Петя! Чуть нагреешь, и она расколется, требуется платина или молибден.

– Вот и посмотрим! – парировал я, через Петра, возражения учителя физики.

– Ладно, скажи Насте, что я разрешил.

– Она не верит.

– Отнеси ей записку и скажи, что я ее отпускаю. Без меня не уходи, нам еще долго, заполняем аттестаты зрелости.

Вернувшись и показав Насте новую записку, Петр надел фартук, снял с полки тигель, взвесил и высыпал в него никель в форме капелек, полученный у Левы. Покопался в мусоре, выбирая битые радиолампы и пробирки из «химического» стекла. В ступе превратил осколки в мелкий порошок и покрыл им металл в тигле. Включил электропечь и надел шапку с очками. Я напомнил ему, что температуру плавления надо посмотреть. Найдя никель и присвистнув, что требуется аж 1600 градусов, Петр выставил указанное число на лимбе немецкой индукционной печки. Потом занялся взвешиванием мелких двадцатимиллиметровых гвоздей. Отвесил он и пятьдесят граммов графита.

– Он же выгорать будет в присутствии кислорода, готовить надо в три-четыре раза больше, и смотреть по объему сплава, а не по количеству высыпанного графита.

В качестве заготовок шли выдернутые из круглых батареек аноды, с которых Петр удалял медные колпачки и еще раз протирал от следов электролита. Раздался квакающий звук печи, которая достигла заданной температуры. Гвоздики переместились в сплав без особых проблем, а графита ушло почти 200 граммов, прежде чем объем сплава достиг заданного объема. Вакуумная печь подошла бы больше, но ее не было. Несмотря на обилие всяческого инструментария – это всего-навсего школьная лаборатория. Дальше процессом управлял только я: разделил сплав на три части, отлив три удлиненных брусочка красноватого металла. На имевшемся вальковом прессе прокатал 0,5 мм проволочины. Натянув девять проволочин между двумя направляющими с десятью проточками, с помощью газовой горелки посадил двухмиллиметровые основания для будущих ламп. Петр перекусил аккуратно кончики, привел в порядок стол, за которым работал, и спустился к кабинету директора. Еще раз постучался, передал Виктору Николаевичу ключ от лаборатории, один из изготовленных образцов и лист бумаги, на котором были изображены пентод 6П14П и лучевой тетрод 6П45С. Изображение было в масштабе 3:1, поэтому никакого удивления у преподавателя не вызвало. Более того, Петр отвлекал его от работы, поэтому, сунув все в карман, Виктор Иванович протянул Петру руку и быстро с ним распрощался.

Здесь требуется отметить одно обстоятельство, непонятное для проживающих в XXI веке: радиодело и радиолюбительство в те годы было общенародным увлечением, как сейчас гаджеты и переписка в соцсетях. Гибель дирижабля «Италия» и счастливое спасение части его экипажа принесло мировую известность радиолюбителю из деревни Вознесенье-Вохма в Северо-Двинской губернии Николаю Шмидту. С 1925 года в СССР выпускается научно-популярный журнал: «Радио всем», в котором давались схемы, описывались принципы работы радиопередатчиков и радиоприемников, способы производства кустарных радиоламп. Все это можно сравнить, в качестве прямой аналогии, с процессом создания НИХ-подобных операционных систем, где код открыт, и любой может его совершенствовать, в расчете на самоподорожков-самоучек, которые найдут способ произвести дешевые и качественные радиолампы, методы и способы снизить шум, и, в конце концов, просто подготовить большое количество радистов и радиоспециалистов для РККА. Необходимые для работы элементы конструкции извлекались из сгоревших ламп, приобретались в магазинах «Сделай сам», заказывались по почте из Москвы и Ленинграда. Все это носило массовый характер, и я видел у отца на столе в его маленькой комнате эти журналы, самодельный приемник, несколько блоков будущего передатчика и отдельно лежащую в ящике стола лампу СО-242, на основе которой теоретически можно было собрать выходной каскад маломощного передатчика. На выходе из школы посмотрел на часы: 14:36. Мимо проходил трамвай № 6, чуть пробежав, Петр зацепился рукой за ручку и запрыгнул на заднюю площадку. Трамвай был забит, что сильно его обрадовало: есть возможность проехать «зайцем». Кондуктор только кричала: передавайте деньги за проезд, но самостоятельно передвигаться по переполненному вагону отказывалась. Сразу за мостом Свободы Петр соскочил с трамвая на повороте на Боткинскую, навстречу шел трамвай № 20, который он пропустил, а затем запрыгнул на заднюю площадку. Трамвай неторопливо посту-

кивал колесами на стыках и был «наполовину пуст», поэтому избежать приобретения билета не удалось. Пришлось показывать ученический билет и платить 20 копеек на следующей остановке. Я ему уже успел «сообщить» цель нашей поездки. Так как «решение» принималось именно «им», то возражений не последовало. Его маленькая хитрость: прикинуться зубрящим математику прилежным учеником, не проскочила, кондуктор был строг и суров, с деньгами пришлось расстаться.

Наконец рошчицы несколько отступили, появилась солидная стена из красного кирпича, с навешенной сверху проволокой, что-то вроде тюрьмы. На одном из зданий красовалась надпись: А. Ж. Айвазъ Свѣтлана 1913. Петр вышел на остановке напротив проходной. Вошел туда и спросил:

– А где у вас заводской техникум? Я сегодня сдал последний экзамен, хотел узнать, как туда поступить.

– Выйдешь, направо вдоль стены, там увидишь. Сначала будет лаборатория, а за ней – техникум. Там спрашивай. Давай-давай отсюда. Не мешай.

Пройдя до лаборатории, прочел вывеску: Отраслевая лаборатория электровакуумных приборов. Я несколько раз подумал: «Мне сюда сначала, потом в техникум». Петр тщательно вытер ноги о коврик и отворил дверь. Опять охрана.

– Что хотел, парень?

– Мне бы с товарищем Авдеевым поговорить, я сплав сделал для ножек, новый.

– Нет у нас никакого Авдеева. Ой, стой, Вальку, что ли, ищешь?

– Да, – тихо произнес Петр, упорно думая о том, кто такой Валька Авдеев и почему он поперся в такую даль непонятно зачем.

– Я зараз позвоню, он в последнее время реже стал бывать, а ты там у проходной постой, через пятнадцать минут гудок будет, я передам ему, что ты его ждешь.

Петр вышел, выбил папиросу из пачки и закурил, мысленно недоумевая: зачем все это? Пришлось думать на эту же тему и успокаивать разволновавшегося «клиента». Одной папироской не обошлось. Во рту уже было кисло от курева. Подошел круглолицый молодой парень, на вид – инженер, в костюме-тройке и в шляпе.

– Вы меня ждете, что ли?

– Товарищ Авдеев?

– Да, мастер Авдеев.

– Вот. – Петр протянул молодому человеку плашку с впаянными проводами. Порылся в кармане, достал оттуда моток проволоки и оставшиеся слитки. Один из слитков сунул в карман, затем залез в сумку и вытащил нарисованные схемы пальчиковых и стерженьковых ламп. – Это формула сплава, лучше всего делать в вакуумной печи, так как в индукционной много графита сгорает, наружную часть лудить или серебрить. Я пошел.

– Ты куда?!

– Домой. Есть хочется. – И он побежал к подходящему трамваю. Быстро сунув все в карман, за ним побежал и Авдеев. На следующей остановке в трамвай завалит толпа работяг, а так можно успеть даже сесть.

– Давай сюда, садись.

– Сгонят, молодой, скажут, постоишь.

– Садись-садись. Так ты предлагаешь делать такие цоколи? А держаться как при тряске будут?

– Пружинку сверху одевать.

– Понятно! Нагревать пробовал? Сопротивление замерял?

– Иначе бы не приехал в такую даль, да сразу после экзамена, я десятый класс закончил. Все проверено, коэффициенты расширения одинаковые.

– Ты даешь! Ты понимаешь, что это значит?

– Конечно, но я сегодня получил повестку и уезжаю в летное училище, поэтому и приехал.

– Зовут-то тебя как?

– Петром.

Подошедший кондуктор получил от мастера Авдеева деньги на два билета. Мастер – это тебе не ученик школы! Работяги даже не понукали «молодого» уступить место, так как видели, что мастер с пацаном обсуждают чертеж каких-то ламп. Ехали тут те люди, которые эти лампы делают.

– Здесь? Слюда, в ней отверстия, на катоде, он – прямого накала, наносится напыление карбонатов стронция, бария и кальция. В момент откачки катод должен быть нагрет, тогда пойдет разложение карбонатов на окислы этих металлов и углекислоту, которая удалится в процессе откачки. То же самое можно делать и с косвенными катодами.

– Делал?

– Нет, конечно, у меня нет для этого таких условий. Это – теория. Мне выходить. До свидания, Валентин.

– Ты фамилию свою не сказал!

– Есть причина, я ее скоро сменю.

Он протиснулся между работягами и соскочил с подножки. Валентин выбрал «неудачное» сиденье, с которого было не видно, куда делся пацан. А Петр уже трясся в «шестерке», которая везла его домой. В битком набитом трамвае можно было не беспокоиться с оплатой за проезд. Ему было немного жаль двадцати копеек, которые он потратил на бесцельную поездку. Сам он еще не осознавал, что он сделал.

С матерью пересеклись на улице. Вначале ему выговорили за то, что не появился дома до того, как она пришла с работы, и ей пришлось самой забирать двух девочек из разных мест, но узнав, что у него не будет троек в аттестате, мать сменила гнев на милость и сказала, что пойдет на завтрашний «выпускной». До этого она отказывалась. Поев дома, Петр отпросился «погулять», чтобы не встречаться с отчимом. Мать неохотно отпустила его, и до самого вечера я его тоже не тревожил, пусть отдохнет. Петр ушел на соседнюю улицу, там во дворе между 17-й и 18-й линиями во дворе была организована волейбольная площадка. Играли на вылет, весело, шумно и с полной отдачей. Их «команда» держалась на площадке дольше всех. Было очевидно, что в таком составе они выступают не первый раз. После игры выяснилось: зачем Петр в кармане ножик таскает. Район оказался не слишком спокойным: «спортсмены» пошли на набережную помыться и там «успели» подраться со шпаной, которая попыталась что-то украсть из одежды, пока ребята мылись. Драться Петр не умел, придется учить.

В свою комнату он прошел через коридор, на цыпочках, в соседней комнате все уже спали. На столике стоял стакан молока, прикрытый толстым куском хлеба. Петр поужинал, достал тестер из правой тумбочки и проверил сопротивление оставшегося у него образца. Удовлетворенно хмыкнул, разделся и быстро уснул, предварительно закрыв плотной шторой окно. Завтра – самый длинный день в году, и за окном – белая ночь. Я же в отдыхе не нуждался и, пока никто не мешал, прикидывал: что и как, и почему. Петру не шестнадцать, а восемнадцать лет, он родился 1 мая 1920 года. Школу заканчивал с перерывами, поэтому. Повестку, а про нее он никому еще не сказал, я видел. Сбор завтра в 15.00 у райвоенкомата. В какое училище его отправляют – неизвестно, написан только номер воинской части. Военкомат – в квартале от дома, насколько я помню.

Звонок прозвучал, практически один в один повторилась вчерашняя картина, за единственным исключением: я увидел двух дочерей бабушки – черноволосую Веру и совсем маленькую беленькую Нину. Последней чуть больше года.

– Отведешь Веру, я зайду на работу и оттуда в школу. Завтракай и не ссорься с Иваном.



– Он еще здесь?

– Бреется. Мы пошли.

Петр заканчивал завтрак, когда в комнате появился невысокий полный лысоватый мужчина в сапогах, белых галифе и в майке. От него просто несло одеколоном. На шее – махровое полотенце.

– Доброе утро.

– Доброе, доброе... Говорят, что вчера две пятерки получил и исправил аттестат?

– Исправил.

– На работу когда устроишься?

– Я сегодня уезжаю.

– Куда?

– В училище. – Петр вынул из кармана рубашки предписание и протянул отчиму.

Тот хмыкнул, прочитав, и вернул бумагу пасынку.

– По моим стопам решил пойти? Гляди! Я там учился, не позорь! Ну, проводить не смогу, у меня вылет в 11.30. – Мужчина подошел к кровати, на которой лежал белый морской китель с нашивками майора авиации, но с красными пробелами и красной звездой с золотистой отделкой, с двумя орденами Красной Звезды: одним советским, а вторым – Бухарской Народной Республики. Так как звезда на рукавах красная, получается, что он – батальонный комиссар. Блин, так все запутано! Бабушка об этом человеке ничего не рассказывала практически. Отец тети Нины вывез их из Средней Азии, погиб в 39-м во время войны с Финляндией. Все, что знаю. Батальонный комиссар вытащил пухлый бумажник, достал оттуда три черных купюры, потом одну сунул обратно и протянул их пасынку.

– Да не надо, я сам.

– Сам-сам, конечно. Слышал, и не раз. Дают – бери! Пригодятся. Давай, а то Верка к завтраку опоздает. На бомбера иди, не дури.

– Спасибо, Иван Савелич.

– Ладно тебе, бывай!

Детский сад находился на соседней улице в здании бывшего монастыря. Сейчас этого дома нет, там только пустырь и забор остался после войны. Петр передал Веру нянечке, несколько раз поцеловал ее на прощанье, но ребенок ничего не понял, вырвался и убежал завтракать.

– Ты чего это, сердешный?

– Уезжаю, тетя Маш. Когда с сестренкой увидимся – не знаю.

– И куда?

– Служить, по месту службы.

– Так призыв-то кончился?

– Я – добровольцем.

– Тогда ладно, счастливо!

– До свидания!

После «выпускного», на котором выдали каждому аттестат, характеристику и пожелали успехов, Петр сказал матери о том, что уезжает, и попытался передать ей двадцать червонцев, полученных от отчима.

– Во сколько? – спросила Евгения Владимировна.

Петр ответил и сказал, что у военкомата. Бабушка посмотрела на золотые часики на руке.

– Мне пора, через десять минут – пара. Подойду пораньше, помогу собраться. – Она протянула сыну руку, повернулась и пошла, смахнув что-то с лица с обеих сторон.

Петр дошел до Фонтанки, дважды повисев на трамваях, не входя в салон. Заверил летнюю книжку в клубе, получил еще одну характеристику и успел вернуться домой до 14 часов. Выта-

щил из шкафа армейский вещмешок и небольшой «дежурный чемоданчик». Туда в первую очередь уложил паяльник, припой, канифоль и жидкий флюс. Тщательно упаковал главное сокровище: выходную лампу. Сложил готовые блоки, имеющиеся радиодетали. Мало ли для чего понадобятся? Да и «валюта» это. Любую эту деталь с руками оторвут такие же радиолюбители. Почему он и считал, что деньги у него есть. С верхней полки он достал «копилку». Туда уже два года он складывал все, что ухитрился заработать на каникулах и на стадионе, играя в волейбол на деньги. Количество денег там он знал точно: 624 рубля ассигнациями, 27 рублей старыми серебряными рублями и полтинниками. За каждый рубль сейчас можно было получить четыре, а если повезет, то шесть рублей бумажками. Плюс двести, которые дал отчим. Больше, чем месячная зарплата квалифицированного рабочего. Если только на еду, то два-три месяца можно прожить. Все журналы было не забрать, чемодана на это не хватит, вытащил те, которые считал наиболее важными: пять штук. В этот момент появилась мать, погладила его по голове и принялась укладывать сменное белье в вещмешок. Собрались быстро, бабушка, то есть мать, попыталась сунуть ему еще 150 рублей пятичервонцами, но он отвел ее руку:

– Себе или Веруське что-нибудь купишь.

– Талонов нет, все ушло на Ниночку.

– Есть, я копил, чтобы тебе подарок купить, вот, держи, здесь на тысячу рублей. С «тройками» меня бы не взяли в училище, так я хотел в армию записаться, чтобы на шее не сидеть, вот и накопил тысячу и талоны.

– Спасибо, сынок. Присядем, на дорожку...

В 14.55 – переключка, в 15.00 раздалось: «Смирно! Равнение на... средину!» Военная служба началась. Затем пешком до Московского вокзала, через полгорода по проезжей части Невского проспекта. Мать все это время шла по тротуарам за колонной. На перроне еще несколько раз обняла его, перецеловала, расплакалась и долго махала рукой вслед уходящему поезду.

Весь вагон был занят «командой». Старшим был старший лейтенант, с ним два сержанта, курсантов второго курса. Они были самыми занозистыми и самыми большими вралями. Основу команды составляли детишки 16–17 лет, которые, как и Петр, только сегодня оторвались от мамок. И несколько более старших ребят, полностью закончивших аэроклубы, которые ехали на «сокращенку». Поезд обычный, пассажирский, больше тормозящий и стоящий, чем движущийся. Трое суток добирались до Ростова, оттуда на грузовичках их привезли в маленький городишко Ейск. И прямо с колес на медкомиссию. Семь человек отсеялось, поэтому с зачислением никаких вопросов не возникло. Тут у «сокращенки» выявился «недобор». Желающим предлагалось сдать аэродинамику, в пределах курса аэроклуба, матчасть У-2 и М-11, выполнить четыре провозных полета и выпуститься самостоятельно. Я, который помнил о злополучном приказе Тимошенко, убедил Петра, что он способен сдать эти мелочи и сможет на год раньше закончить училище. Тем более что два дня на подготовку теоретической части давали. Инструктора просмотрели его летную книжку, характеристики, оценки в аэроклубе, и он перешел жить в другую палатку. Тут еще одна закавыка выяснилась: с утра прошел строевой смотр, и из восемнадцати кандидатов на три места осталось тринадцать. Два дня, которые давали на подготовку, прошли в строевых занятиях, стрельбах из винтовки и револьвера, а на СамПО давали три часа после обеда и неограниченное время после ужина, но с присутствием на вечерней поверке, и обязательным отбоем. Благо, что я сам в отдыхе не нуждался, лишь бы у Петра были открыты глаза. Аэродинамику и управление самолетом «мы» сдали. Матчасть – тоже, а вот остальное от меня мало зависело. Сам я сто лет не летал, да еще и не научился управлять телом Петра. Так, работал его «внутренним голосом». Но Петя справился, первый вылет прошел почти без ошибок, но выровнялся высокоовато и малость «скозлил». Второй и третий вылет – все четко и без ошибок, а вот четвертый... Самолет столкнулся с чайкой,

которая разбила козырек второй кабины, осколки ранили инструктора, в общем садился Петр совершенно самостоятельно. Закончил «коробочку» и сел, подрулил к СКП и заглушил движок. Вылез из кабины и стал помогать инструктору. Затем долго отвечал на вопросы, что и где случилось. Чуть было не запаниковал, когда отвечал на дурацкие вопросы, но я его сумел успокоить. Вечером на построении объявили, что курсант Ночных переходит в четвертую эскадрилью. Первым из трех кандидатов. Претендентов оставалось девять человек. За ним пришел старшина «четвертой». Скрупулезно пересмотрел и пересчитал полученное снабжение. Сделал целый ряд замечаний и потребовал завтра часть экипировки на складе заменить. Грозился выбросить к чертовой бабушке Петин чемодан с радиодетальями, но за полчаса до вечерней поверки Петр уже находился в расположении. Еще одна напасть! Макар Шершневы, грозный старшина, обратил внимание на почерк нового курсанта. И прозвучал приговор:

– Писарчуком будешь. И вот тебе первое задание: таблички к койкам. Пошли! Вот стол, вот ключи от канцелярии, тушь, рейсфедеры, ручки. На построения не опаздывать! Приступайте, курсант.

Почему приговор? Да потому, что эту работу приходилось выполнять за счет отдыха и самоподготовки. Это сейчас работу писаря может выполнить любой. Стоит набрать текст на компьютере, выделить его и выбрать подходящий шрифт, его размер и дать команду «Print». А тогда это делалось пальчиками, ручкой и теми самыми «рейсфедерами», чертежными инструментами. А следом за старшиной подтягивались штурман эскадрильи, политрук, командир и большая часть инструкторов. Плакаты, схемы маневрирования, поднятие карт, маршруты полетов. А подъем в четыре, и на полеты, вместо послеобеденного отдыха – пишешь или рисуешь, и на полеты, все на СамПО, а ты – в канцелярию. Но стоит отметить, что поощряют писаря эскадрильи чаще других.

Все лето осваивали самолеты И-5 и И-15бис, сдавали зачеты по ним, на «полетах», пишу в кавычках, так как на обоих крыльях не было перкаля, учились удерживать направление при взлетах. Особенно сложно было это сделать на И-5, он был очень неустойчив и все время норовил скапотировать. Первые потери четвертая эскадрилья понесла на нем.

Эскадрилей командовал майор Александр Харитонович Андреев, но не долго, он начал принимать должность начальника училища уже в конце июля, так как предыдущего начальника училища полковника Ивана Кукина отзывали в Москву и направляли на Северный флот. В сентябре вместо Андреева командиром нашей эскадрильи был назначен капитан Феоктистов. Петр учился в пятом звене старшего лейтенанта Ивана Сташко. Всего в училище было десять учебных эскадрилий, из них четыре истребительных, одна – разведывательная (или спасательная, там на летающих лодках летали), две эскадрильи «плохой погоды», переучки – в них учились только командиры из ВВС РККФ. Остальные эскадрильи были бомбардировочными, штурманскими и одна выпускала легчиков-наблюдателей. В одном наборе было тысяча человек, примерно.

Первый вылет на истребителе Петр выполнил на УТИ-1, двухместном биплане, созданном из истребителя И-5. Корпус у него был хлипкий, весь дрожал во время полета, и требовалось точно удерживать его при пробеге, и заходить четко против ветра, ориентируясь по «колдуну». А в жаркую погоду в Ейске ветер неустойчив по направлению и крутится, как уж на сковороде. Иван Сташко был опытным летчиком, еще во время пробежек ввел собственную систему «управления»: он колотил то одной, то другой рукой по фюзеляжу, и каждый удар нес свою «информацию». За это пятое звено называли «барабанщиками». В сентябре, когда утвердили нового начальника училища в должности, в нашей эскадрилье появилось шесть новых самолетов: УТИ-4, и лучших курсантов перевели учиться на них. Они отличались от остальных машин тем, что были монопланами. А так – тот же двигатель, что и у И-15бис, М-25В. Но машина имела убирающееся шасси, в отличие от «биса». Петр на эти машины сначала не

попал, так как только перешел на ДИТ, учебно-тренировочный истребитель, базой для которого служил И-15бис. Но тут выяснилось, что за спиной у инструктора в УТИ-4 стоит радиостанция и СПУ (самолетное переговорное устройство). Радиостанция – хрен с ней, все равно связываться не с кем, а вот СПУ давало возможность инструкторам тут же обругать курсанта и направить его на путь истинный, не прибегая к ударам по корпусу самолета и переговорной трубе со свистком. Шершневу сразу же вспомнил о том, что в чемодане курсанта Ночных видел блоки передатчика, о чем и сообщил даже не Феоктистову, а самому Андрееву.

Звонок в канцелярию эскадрильи:

– Четвертая эскадрилья, канцелярия, курсант Ночных!

– Петя, загляни-ка ко мне, подполковник Андреев.

– Есть!

Странный звонок, и голос какой-то заинтересованный. Командир ждать не любил, поэтому Петру пришлось бежать до штаба, и за пятьдесят метров до него переходить на шаг, чтобы успокоить дыхание. Вошел, доложил.

– Тут такое дело, Ночных, мне доложили, что ты в радио сечешь. Так?

– Было такое, товарищ подполковник, занимался.

– Так вот, приказ о радиофикации всей истребительной авиации издан, а специалист по этому вопросу у нас только один на все училище, и у него времени на обслуживание еще шести машин нет. И он говорит, что данных устройств не знает, так как там какие-то другие усилители стоят. А инструктора желают, чтоб у них связь с курсантами была.

– А где посмотреть документацию на это устройство?

– О, сразу чувствуется специалист, пойдём!

Они прошли в техотдел, его освободили от занятий и вручили увесистую папку со схемами, описаниями, паспортами и инструкциями по эксплуатации. Симплексное переговорное устройство, собранное почему-то на лампах аж с 24-вольтовым питанием, соответственно, с никакой живучестью и офигенными шумами. Все то же самое можно было сделать на шестивольтовой сети. Якобы, чтобы снизить вес изделия и использовать тот же умформер, что и радиостанция. В общем, мы с Петей почесали репку, ну и выдали на-гора свое резюме: работать будет шумно и бестолково, гореть лампы будут со страшной силой, каждые 100–200 часов их придется менять. Вот схема, практически один в один по параметрам, и она будет работать много дольше. Взята из «Радио всем», номер такой-то. По ленинградским ценам это обойдется в 800–900 рублей. А эта хламидомонада стоит, как крыло самолета, и, кроме шума в наушниках, инструкторы ничего не услышат. А когда у тебя в полете в ухо начнут свистеть и выть, то хоть с парашютом выбрасывайся.

В тот же день вместе с Андреевым, главным инженером Савушкиным и Феоктистовым осмотрели переговорное устройство, включили его, настроили. Настройка изрядно сложна и требует двух человек или существенного удлинителя, но все равно по кабинам напрыгаешься будь здоров. После окончания «войсковых испытаний», послушав вой в наушниках, начальник училища задал вопрос:

– Петя, а долго делать ту схему, которую ты показывал.

– Саму по себе? Полдня где-то, но я не знаю, что есть на рынке и в магазинах Ейска. Я еще в городе ни разу не был. Но можно заказать это в Ленинграде, через «Сделай сам».

– Пал Фомич, чувствуешь, какой это подарок судьбы для тебя? Октябрьский и Остряков что на совещании говорили: шире развернуть почин изобретательства и задействовать скрытые резервы. Фонды, насколько я помню, выделены. Действуй. Петя, вот тебе бланки увольнительных, с моей подписью, свяжись со старшим техником Уткиным, из восьмой, он у нас заведует радиоотделом у бомберов, и вместе с ним выясните, что, где и как. Берешь на себя этот почин, а мы поддержим. Правильно я говорю, товарищ Савушкин?

Тому ничего не оставалось сделать, как согласиться с мнением начальства. Ближе к вечеру посыльный из штаба принес приказ о переводе Петра в новое звено на И-16. Надо отметить, что в эскадрилье все рвались перейти на «ишака», учиться на старье никто не хотел, особенно это касалось И-5, коварство и непредсказуемость которого стоили жизни многим курсантам. Но этот самолет еще находился на вооружении ВВС флотов. Более того, эта машина в качестве ночного легкого бомбардировщика принимала участие в обороне Крыма в 1941 году. Четвертая эскадрилья полностью перешла на И-16 в начале 1939 года. Пока ни одной «боевой» машины в училище не было, только УТИ-4 в мизерном количестве.

Утром, после завтрака, зачетов и «полетов», вновь пришлось отрабатывать пробежки по земле, теперь на УТИ-4, в 10 часов Петр нашел старшего техника-лейтенанта Уткина и впервые за три месяца покинул военный городок. В первую очередь зашли на рынок в самом городке, нашли парня, который приторговывал радиодетальями, в основном к бытовым приемникам. Он порекомендовал идти на Центральный рынок, найти там Ивана Грача, тот – радиолюбитель, и держит мастерскую по ремонту техники на рынке. Купили и вымыли виноград на рынке и двинулись по Карла Либкнехта в сторону Центрального рынка. Ейск – одноэтажный городок, утопающий в садах и палисадниках. Улица и тротуары выложены известняком, чем-то вроде пудожского камня. Большая часть улиц просто грунтовые. Многочисленные битюги тянут зерно с полей в порт на элеватор. Над каждым развешается какой-нибудь плакат. Грохочут телеги довольно громко, библикают немногочисленные ЗиСы и ГАЗы. Тоже с зерном и другим сельскохозяйственным товаром. Идти – километра три, через полчаса они нашли мастерскую и познакомились с Ваней Грачовым, парнем лет тридцати, который в армии стал радистом, а на гражданке открыл мастерскую и зарабатывает неплохие деньги на ремонтах радиотехники, усилителей, патефонов и проигрывателей. Через него выяснили конъюнктуру и цены, которые оказались немного выше ленинградских, из-за пересылки. В «Сделай сам» – шаром покати, Ваня оттуда все выгреб, конкуренции он не допустит. Но заказной отдел работает. В нем рекомендовали обратиться в порт и сделать заявку там. А еще дешевле получится через... моряков. В общем, нам рекомендовали обратиться в «военно-морское авиационное училище летчиков имени Сталина», то есть к самим себе. Ценная рекомендация! Дело было в том, что Петр был одет в армейскую полевую форму, а Уткин был в комбинезоне, так что за военморов их не приняли. Взяли бланки заказов, на всякий случай, и пошли в порт на радиостанцию. Там «добыли» все, что необходимо, Уткин выписал требование, которым его снабдил главный инженер. Выкупались на Меляках, было жарко, и пошли в училище. После обеда, вместо сна, Петр пришел со своим чемоданчиком в мастерскую Уткина, и они собрали схему еще до вечерних полетов. Капитан Кузнецов, новый инструктор Петра, разрешил ставить новое оборудование только после полетов, чтобы не срывать занятия. После полетов одну из машин перетасили в ангар, Петр аккуратно отсоединил усилитель СПУ-2 от умформера РМ-1, открутил четыре болта, вытащил старый и вставил новый блок. Затем распаял фильтры на питающей подводке РМ-1 и на выходе генератора с заземлением на корпус умформера, так как это стало положено делать в 1942 году. Входные и выходные дроссели одели в оплетку и тоже заземлили, создав экран. Уткин недоверчиво косился на действия Петра, но после того, как усилитель запустили, вначале на аккумуляторе, а потом и на генераторе главного двигателя, и сравнили шум-сигнал-помехи на двух разных самолетах, Уткин вытянул вверх оба больших пальца и расплылся в улыбке.

– Моща!!! – покрутив ручку полевого телефона, назвал позывной начальника училища.

– Сделали, тащ полковник, работает, и чистенько-чистенько!

Утром, за десять минут до начала полетов, к самолету подошли Андреев и Савушкин. Андреев показал Петру рукой, чтобы лез в первую кабину, сам забрался во вторую.

– К запуску! – приказал начальник училища.

Петр вытащил «молитву», положил ее на колени, надел шлемофон, соединил его с папой-мамой, набросил поясной ремень, защелкнул замок и приступил к подготовке машины к запуску, дошел до пункта: «проверить связь по СПУ», нажал на кнопку:

– Тащ полковник, как слышите, прием?

– Отлично слышу. Никакого шума.

– Связь полудуплексная, если сами себя не слышите, то нажмите другую кнопку на РУДе, и можете говорить, мне вас будет слышно, даже, если я в этот момент выжал кнопку на ручке управления. Сам усилитель дуплексный, двухканальный. Можно переделать кнопки, и тогда вообще мешать друг другу не сможем.

– Отлично, запускай, проверим под генератором.

– От винта! Запускай!

У этих машин, учебных, ни стартера, ни пускового воздуха не было. Механик прикрепил к винту тягу от пусковой машины, и когда двигатель провернулся, крикнул: «Контакт». Петр включил зажигание и прокричал: «Есть контакт». Движок плюнувшись сизым дымом, запустился, и Петя перевел его на работу на малом газу.

– Тащ полковник, как слышите, прием?

– Пять баллов, никакого треска нет, как на других. Убирай колодки.

Петя от неожиданности аж рожицу скривил и язык показал, ему еще предстояло неделю бегать по аэродрому без взлета. Но рукой подал команду: «Убрать колодки». И кончиком ноги придавил тормоза на педалях. Справа и слева показались механики, держащие в руках тросики колодок. Обороты, нога, истребитель выкатился с бетона ангара и затрясся на траве аэродрома.

– Давай вправо на старт.

Чуть прибавив оборотов, Петр резво побежал в дальний конец аэродрома, вывешивая голову то вправо, то влево, чтобы видеть то, что находится впереди машины. Капот закрывал большую часть горизонта. Городок надвигался на машину, Петр сбросил газ, придавил левый тормоз и дал туда ногу, выровнял, прижал оба тормоза. На СКП взлетел клетчатый флаг, обороты, полный газ.

– Взлетай!

– Поехали! – «Ишачок» стремительно разогнался. Толчки слились, нос пошел вниз, 170, отрыв. И правой рукой Петр начал крутить довольно тугую ручку, предварительно отключив замки шасси. Тридцать один оборот, шасси убрано, горят зеленые огоньки.

– Хорошо! – послышалось в наушниках. – Направление взлета удержал. Пошли вверх!

Петр чуть прибрал газ, самолетик начал набирать высоту. Но вел машину Петя не ровно, а заваливая ее вправо-влево и осматриваясь каждые сорок секунд.

– Что головой крутишь?

– Осматриваюсь, в воздухе три машины: на два, на пять и на десять часов.

– Ты смотри! Молоток, не забываешь, что летишь на истребителе.

– Ну, какой это истребитель! Ни одного пулемета.

– Ты вместо них сидишь. Место? Вопрос!

– Три сорок до поворота, высота 2200.

– Принято!

Через минуту Петр доложил, что набрал заданную и перевел машину в горизонт, еще убрал обороты по экономическому. Обошли идущий ниже И-5 второй эскадрильи. Крайний поворот на коробочке, и Андреев скомандовал снижаться. Обороты на самый малый, опустил нос, посвистывает ветер, перекрывая шум мотора. Петр не волновался, продолжал оглядываться, чуть заваливая самолет, чаще начал заглядывать под капот. Посадочного щитка на этих машинах не было, вернее, он был намертво зафиксирован, им не пользовались. Снизившись на высоту 500 метров, Петр открыл замки шасси и начал выпускать его. Щелкнули основные замки, красные лампы потухли и зажглись зеленые. Дурацкое техническое решение,



сколько из-за этого машин было перепорчено! Уж лучше бы они моргали при выпуске-уборке, но... Впрочем, он сообщил свое мнение инструктору.

– Не отвлекайся. Потом поговорим.

Скорость уже посадочная, Петр чуть прибавил обороты и продолжал снижаться, все чаще и чаще выглядывая из-под козырька слева. Земля все ближе и ближе, видимая скорость начала расти, ручка аккуратно взята на себя, РУД от себя, выравнивание, ручка чуть вправо, нога чуть влево, и на себя. Трым, тра-та-та-та-та-та, застучали колеса по траве. Аэродром большой, надобности сразу использовать тормоз никакой нет. «Ишачок» пробежал около двухсот метров, и Петр свернул к ангарам. Пропустил помеху справа, стронулся и развернулся у ангара.

– Не выключай, – послышалось в наушниках. Сзади звякнул замок привязной системы. Подполковник стоял в кабине и делал какие-то знаки кому-то. Перенес ногу через борт и спустился на землю. Два техника бросили назад и пристегнули два мешка с песком. Справа появился Андреев, поднял Петру «ухо» шлемофона.

– То же самое, самостоятельно, эшелон – 2. Следи за сигналами. Давай! – он соскочил с крыла.

Петр чуть пробежал и тормознул у рулежки, дождался отмашки стартовика и занял дорожку. Вырулил на старт, получил добро с СКП и выполнил свой первый самостоятельный полет, хотя по программе до него было еще два месяца. Перед обедом на построении начальник училища объявил, что курсант Ночных первым в новом наборе выполнил самостоятельный вылет на новом истребителе. Кроме того, существенно усовершенствовал одну из важнейших систем управления этим самолетом, поэтому ему присвоено звание сержант и он переведен на должность помощника командира эскадрильи по освоению радиофицированной техники.

Три треугольника немного подравняли его с остальными ребятами, учился он на ускоренном выпуске, где большинство ребят были готовыми летчиками, даже инструкторами из ОСОАВИАХИМа. У некоторых было больше трехсот часов налета. Поэтому конкурировать с ним не приходилось, скорее прислушиваться к их советам и учиться летать, как они. Особенно когда перешли к технике пилотирования и наработке автоматизма навыков управления машиной. Инструктора в этом случае выезжали на полигон, в «зону», и там наблюдали за исполнением фигур. А связи – не было! Максимум инструктор мог выложить оценку «+» или «–». Поэтому через две недели Петр поднял вопрос о радиофикации как СКП, так и площадок наблюдения в «зоне». До этого, даже на радиофицированных машинах, сами радиостанции не включались вообще. Петр, по молодости лет, хотел решить этот вопрос чисто устно и с Уткиным, но я внес коррекцию в его мысли, и в результате родилось письмо начальнику училища, которое Петр передал в штаб и дождался вызова начальником училища. Андрееву показали схему организации такого управления аэродромом, воздушным пространством и полигонами. Три РСБ-36 с аварийных бомбардировщиков СБ и ТБ-1 у Уткина были захомячены. Петр об этом знал, но не проговорился, дабы не ссориться со старшим. Это – его епархия, ему обеспечивать работу оборудования требуется. Ну, слетали мы в Бельбек на УТИ-4 и на СБ, у которых вслед за нами появилась «правильная установка» умформеров. Показали свою работу флотским связистам. Нас похвалили, но дальше дело с места не стронулось. Андреев вызвал инженера, который и выдал с головой, что есть у «хомяка» про запас на складе.

– Отлично, Пал Фомич. Вот смотри, что наша молодежь предлагает. Взгляни на схему.

– Ну, на СКП не проблема поставить выпрямитель и запитать умформер РСБ. А полигонную я прям не знаю, как запитать. Динамо-машина нужна.

– Что скажешь, сержант? – переадресовал этот вопрос начальник училища.

– Ну, наверняка найдется списанный автомобиль. Снять с него двигатель, радиатор и бензобак и присоединить к нему генератор с регулятором от СБ на 24 вольта. Все имущество, вместе с радиостанцией, поместить в кузов ГАЗ-ААА, с телескопической десятиметровой

антенной, плюс пару аккумуляторов с СБ в качестве аварийного питания. Машина сможет перемещаться на полигон и возвращать станцию на базу, когда полетов нет. Да, а если все это закрыть, например, фанерой, так такая станция сможет работать и на ходу машины.

– А что? Определенного смысла это не лишено. Вот что, Пал Фомич, оформляй это как рационализаторское предложение, выделяй людей, и начнем делать, и закажи еще РСБ, чтобы «хомяк» не удавился. Всё, товарищи! Работаем.

Тут по ходу «тела» выяснилось, для чего нагородили такого бреда с СПУ. Оказалось, что его питание совместили с питанием передатчика РСИ-3. Он выполнен трехкаскадным на шести лампах ОС-242 и одной ГУ-4. Четырнадцать кило весом. Плюс восьмикаскадный приемник, фактически аналогичный УС-1. В результате вместе с умформером набегало тридцать шесть килограммов, половина веса человека. Я такой схемы никогда не видел, помню, что РСИ-3М1 с умформером весила восемь кило. Передатчик был двухкаскадным, всего на двух лампах 6Л6, лучевых тетродах, кстати, именно эту лампу, ее чертеж, я и передал на «Светлану». Ну, а когда Петя вскрыл и приемник, и передатчик, я понял, что эта конструкция никогда работать не будет. Увы! И все из-за конструкции переменного конденсатора. Какой-то «очень умный товарищ», дабы сэкономить дефицитный алюминий, воткнул между металлическими пластинами картонные, пропитанные парафином. Умный мальчик! Мы с Петром переполошились, сунулись в гражданские приемники 6Н-1, а там стояли точно такие же. Кондер оказался цельнотянутым, серийным. Вот только в отличие от военных самолетов, приемники 6Н-1 под дождем и снегом не стоят, а эксплуатируются в идеальных комнатных условиях. Пришлось вручную городить переменник с воздушным диэлектриком, делая из двух конденсаторов один. Для шести штук радиостанций это не так и много. Ваня Грач был очень доволен, когда мы у него выгребли весь его залежалый товар. Кстати, и в УС-1 была та же проблема, но там температура побольше, так что конденсатор быстрее подсыхал.

Провозились с этим целый месяц, затем из Ленинграда пришел ответ на наше письмо, направленное в адрес дирекции завода. Письмо оформляли от имени начальника училища, но ответ получили сразу в два адреса. Один официальный, от директора завода, а второй от Валентина Авдеева. А через неделю Пете пришла посылка с лампами, у которых были оксидные катоды. И мы сделали РСИ-3М. Без единички, так как изготовить РМ-45у, в котором вместо меди используется алюминий, а в качестве магнитов – редкоземельный неодим, мы не могли. Но в двенадцать килограммов полетного веса мы уложились. Заявки на все оформлены. Мокрая туманная осень показала, что приемопередатчик РСИ-3М прекрасно держит настройки, связь устойчивая, и может быть рекомендован к массовому производству.

Петр третий месяц летает на УТИ-4 и на единственном в училище И-16 семнадцатой серии, с двумя пушками ШВАК и двумя пулеметами. Учится стрелять по воздушной цели и штурмовать наземные, а на УТИ все полеты на пилотаж и взаимодействие в бою. Но на боевом истребителе нет радиостанции. И не установить, так как люк для нее – отсутствует.

В ноябре, сразу после праздников, поступили «ишаки», пришел в порт и разгрузился пароход, который не смог доставить их в Испанию. Ни на одном из них не было ни одной радиостанции. Все были одного типа «шесть», с двумя крыльевыми ШКАСами и с толстыми колесами 750×150, с устаревшим мотором М25А, который держал мощность только до трех тысяч метров. На шести из двадцати были установлены радиоприемники УС-1, но со смещенным диапазоном. Видимо, в Испании другие частоты в стандарте. Остальные машины даже люков между седьмым и восьмым шпангоутом не имели. Плюс в упаковочных ящиках двух машин были обнаружены двенадцать странных приспособлений. А документация, как на грех, на испанском. Ну, я-то эти штучки видел на фотографиях, это были 93-литровые сбрасываемые подвесные баки. В заднем отсеке этих двух машин стояли АФА-И. Это были несерийные машины-разведчики. В общем, Петя авторитетно заявил про подвесные баки, затем открыли

люки, и там обнаружили и РСИ-3, и АФА-И. Несмотря на то что решение по РСИ-3М явно отложилось где-то в Москве в долгий ящик, мы, не мудрствуя лукаво, переделали еще две радиостанции в этот вариант.

Переписка с Валентином не прекращалась, и мы имели возможность заказывать все прямо на «Светлане». Валентин и описал ситуацию, что не успела РСИ-3М попасть в план на будущий год. Их выпуск не запланирован, будут производиться только РСИ-3. Дело было в том, что у семи нянек дитя без глазу. Еще недавно «Светлана» и все заводы, выпускавшие радиотехнику, входили в Наркомат тяжелой промышленности, который создал Орджоникидзе. Но в 1936-м наркомат разделили. Часть предприятий бывшего «Главэспрома» осталась в Тяжмаше, и на следующий год еще раз была разделена между ним и Наркоматом машиностроения, часть перешла в Наркомат оборонной промышленности. Много заводов прибрал к рукам всесильный Наркомат связи (если ознакомиться со списком его наркомов, то волосы дыбом встанут: 17 января 1932 – 26 сентября 1936 – Алексей Иванович Рыков; 26 сентября 1936 – 3 апреля 1937 – Генрих Григорьевич Ягода; 5 апреля 1937 – 16 августа 1937 – Иннокентий Андреевич Халепский; 16 августа 1937 – 24 декабря 1938 – Матвей Давыдович Берман. Кстати, все они расстреляны, как враги народа, некоторые так вместе с братьями, женами и т. п.) «Светлана» за это время трижды сменила главк. А выпускать продукцию требовали все, но согласовывать всё тоже требовали все. Вот, обнаружилось, что присланные в Москву образцы РСИ-3м имеют диапазон, смещенный в сторону больших частот, из-за переделки переменного конденсатора. Они же на коленке делались! Вместо того, чтобы исправить сам конденсатор, затеяли регистрацию данных частот в НКС. И всё встало! Без этой бумажки – ты – букашка! Дело стоит, а неработающие Радиостанции Истребительные № 3, выпускаемые на заводах, принадлежащих НКВД (в тюрьмах и колониях), продолжают выпускаться, эков ведь кормить нужно. А новенькие лампы «Светланы», аналогов которым в мире нет, идут на склад. Я даже подумал, что зря Валя все это в письме пишет, расстрелять могут, не посмотрят, что мастер и изобретатель. Оказалось, что схватка между пятым управлением НКОП и остальными участниками проекта уже вышла за пределы наркоматов, на уровень Политбюро. Выпуск новых истребительных радиостанций поддерживают НИИ ВВС, ГУ ГВФ «Аэрофлот», которому требуются радиостанции на многочисленные малые самолеты типа Р-5, командование ВВС армии и флота. Авиапром, в лице наркома Кагановича и начальника 5-го управления, заняли выжидательную позицию, так как НКОП вновь собираются делить, и неизвестно, куда попадет 5-е управление: в новый наркомат авиапрома или в наркомат вооружений. В общем, схватка наверху идет не на жизнь, а на смерть, и пока неизвестно, кто победит. Поэтому Петя подбросил новую идею Андрееву: сделать скоростные разведчики из двух «испанцев» и продемонстрировать их возможности на ближайших зимних учениях Черноморского флота.

Андреев, которому внедрение автомобильных станций принесло благодарность наркомфлота и заметное ускорение обучаемости при выполнении пилотажа курсантами, тормозить эти предложения не стал. Вырвавшись вперед в деле радиофикации обучения личного состава, он прекрасно понимал, что этим все не ограничится, начнет влиять на тактику действий истребительной авиации. Из тех же источников произвели закупку комплектующих, часть из которых уже была на балансе четвертой эскадрильи, сделали новые комплекты РСИ-3м, и образовали новое звено в четвертой эскадрилье, куда из шестой разведывательной перевели двух спецов по АФАрам.

Петю повысили до должности старшего летчика, сделав его ведущим этого неполного звена. Пригодилось мое умение работать с иностранной литературой. Мы с ним сумели косо-криво, с помощью русско-испанского разговорника, перевести испанские инструкции по эксплуатации подвесных баков. Оказалось, что это не разработка ОКБ Поликарпова, а сами испанцы заказали его на основе подвесного бака к своему верхнеплану Е-30. А КБ только готовит свои предложения по этому поводу. 186 литров хватало на час полета дополнительно.

Присутствовал механизм сброса баков в воздухе, но так как они были уникальны, то приказом запретили это делать. Только в исключительных случаях, вроде отказа двигателя и при посадке на живот. Тьфу-тьфу-тьфу! А тут как раз «штурманская подготовка» подоспела, что резко повысило авторитет Петра в эскадрилье. В отличие от многих, практически всех, он с математикой теперь дружил, имел аккуратный красивый почерк и помогал остальным готовиться и сдавать это нелегкое дело. Дело было в том, что большинство курсантов закончили всего семь классов, а не десять, как Петр. Девиация, определения, СКО, истинный курс, магнитный, гироскопический, склонение, линии положения, и самое страшное: сферическая тригонометрия. Петр не забыл и любимую радиотехнику: дополнительно подготовил небольшой курс по радионавигации. Я-то в этом деле собаку съел!

Так как самолетов было только два, то совершенно естественно образовалась новая тактическая единица: пара. Зимой обе машины прошли модернизацию, им заменили часть нижних листов центроплана, на которых была сделана выколотка для лыж, а после выработки ресурса М-25А их заменили на новые М-63 с винтом регулируемого шага. Успели облетать машины и приняли участие в учениях под Одессой. Установка более мощного и тяжелого двигателя значительно улучшила балансировку разведчиков. Прежде установленный АФА-И менял центровку на заднюю, и в основном машина летала без них. На самих учениях Петр летал ведомым у капитана Кузнецова, своего комэска. А в обычных условиях в основном выполнял роль ведущего этой пары, тем более что радиопеленгатор стоял только на его машине, закрепленным на кокпите. Чтобы определить пеленг, приходилось разворачивать всю машину, но места для чего-то большего в тесной кабине «ишачка» просто не было. Тем не менее при полете в море его наличие, хотя бы на одной машине, было решающим в отсутствии видимости берегов. В общем, мы продолжали понемногу влиять на ситуацию в училище и, наверное, в авиации ВМФ, то есть РККФ. Некоторые признаки этого прослеживались, но топтание на месте нашей промышленности постепенно сводило на нет наши усилия.

На учениях мы играли за «обороняющуюся» Одессу. Нашей задачей было обнаружить основную эскадру противника и навести на нее самолеты округа. Пришлось перед вылетом посидеть в радиорубке у связистов, поймать передачу «Парижанки», настроить пеленгатор на эту частоту, и мы взлетели. Зима, плотный слой облаков на высоте между двумя и четырьмя километрами. А у Петра всего несколько часов полетов в облаках, карась еще, в СМУ (сложные метеоусловия) он только случайно попадал несколько раз. Но скидок на это никто не дает. Да и капитан Кузнецов выбрал щадящий режим полета. Через сорок минут Петр связался с ним:

- Четвертый, я – Тринадцатый. Есть пеленг на цель: курсовой 62, левого.
- Ворочаем!
- Идем тем же курсом шесть минут. Будем иметь место ордера и дистанцию.
- Понял.

Через три минуты самолет Петра рыскнул влево, взяв еще один пеленг, отвернул вправо и пристроился к ведущему вновь. И еще через три минуты повторил этот же маневр.

- Четвертый, есть точка, прошу добро передать на КП.
- Давай! Курс?
- Сто по магнитному.
- За мной! И передавай.

Петр запросил КП и сообщил координаты квадрата, где находился флагман флота. Теперь предстояло пройти над ордером и сфотографировать его.

Наглые действия разведчиков возмутили Октябрьского, и радиостанция линкора заработала еще, вызывая авиаподдержку. Ему-то сыпались все распоряжения «обороняющихся». Где-то там под Одессой начали взлетать бомбардировщики, и план учений приходилось менять на ходу.

- Справа четыре часа, тройка, «ишаки».

– В облака, и на них. Осилишь?

– Есть вправо, исполняю.

Обе машины на вираже ушли в облако. Через четыре минуты командир приказал:

– Переворот, атакуем!

– Принял.

Аккуратно перевернув машину, Петр взял ручку на себя. Одновременно сбросил обороты и уменьшил шаг до минимума. Они выскочили из облака в полукилометре от противника сзади.

– Атака! – прокричал комэск.

– Принял, снизу. Пятерки. – Бой приходилось вести мне, азарт у Пети просто зашкаливал, какая тут тактика!

– Снизу, атакуем, молодец.

Ведущий чуть увеличил угол пикирования, а Петя прибавил шаг. За счет аккуратного переворота и сброса оборотов он был метрах в двухстах пятидесяти от ведущего. Пошел вверх за хвостом Кузнецова, я его еще заставил сбросить обороты. Настигали мы тройку слишком быстро, они шли экономическим. Назад никто из них не оглядывался: машины шли ровно. Загрохотали пулеметы медленными «холостыми» очередями, заработал кинофотопулемет. Пара «разведчиков» взмыла над тройкой неудачников, уходя на боевой разворот. Их заметили уже после атаки, звено распалось, один из ведомых свалился вниз, чтобы не столкнуться с ведущим.

– Атака! – закричал Кузнецов, хоть и находился в перевернутом положении, выполняя иммельман.

Самолет Петра весьма неохотно перевернулся, намекая как бы, что пора и в штопор. Шаг на полную, обороты. Машина пошла за двигателем. Динамика у нового «ишак» была замечательной, это Петя зевнул, требовалось чуть раньше сделать эти эволюции. Кузнецов нацелился на ведущего, повторяя атаку. Левый ведомый был обстрелян Петром во время прошлого захода. Он дернулся атаковать правого, но я следил за тем, что он делает!

– Стоп! Куда я пошел! Хвост!

«Ишак» совершил совершенно невероятный маневр и остался позади самолета Кузнецова, еще одна атака основной пары, и обратная косая петля, с выходом на потерявшего высоту правого ведомого. Огонь они открыли одновременно. После этого Кузнецов вытащил флажки и передал ведущему условный сигнал: «Вы сбиты, следуйте домой». Ведущий показал кулак, но развернулся в сторону Крыма. А мы через двенадцать минут прошли их курсом над эскадрой, показав белые полосы под крыльями. Чистая победа!

Эскадра, правда, якобы отразила первый налет бомбардировщиков, но теперь над ней висела вся авиация Одесского военного округа, и положение у атакующих было «не очень». В итоге признали все-таки, что «одесситы» выиграли.

Нас с Петром круто допрашивали: каким образом обнаружили ордер. Пришлось сознаться, что почерк начальника службы «Р» линкора Пете известен, и каким бы кодом он ни пользовался, его слитные «С» и окончания абзаца в виде «семерки» – это характерный признак. Именно: почерк выдающегося радиста. Плюс – скорость передачи. Не в войнушку ведь играем: учения! Так что по трем пеленгам и двум линиям положения определиличислимо-обсервованную точку и навели бомберов. И бой с прикрытием выиграли. А иметь на борту командную радиостанцию, чтобы иметь представление: чем занято воздушное прикрытие – тоже требуется. Наш пролет над ордером моряки просто зевнули.

Короче. После возвращения «домой» решила дальнейшая судьба Петра. Кузнецов, которому еще в воздухе присвоили майора, по прилету домой, после всех разборок сказал подполковнику Андрееву:

– Я по поводу Пети, Христофорыч. Такая корова нужна самому. Черкани-ка у себя, что служить ему в четвертой эскадрилье, командиром первого звена. Я с таким ведомым в разведку пойду.

– Да я в курсе, не волнуйся! В первое, говоришь?

– Да, Алиханов не тянет, пусть в войсках потренируется. Надеюсь, ты не возражаешь.

– Насчет Алиханова – согласен. Ну, а Петра из училища упускать не стоит. Серьезный парень, Миша. Имею такое же мнение.

Оставшиеся два месяца и десять дней до выпуска пролетели, как один день. Если не считать вынужденной посадки в плавни на том самом пушечном И-16 семнадцатой серии, самом новом, самым высотным, самым-самым-самым, который так и летал без радио. Над морем, на высоте 9 000 метров, вначале застучал и сдох нагнетатель, через некоторое время что-то пыхнуло под капотом и встал движок. Огонь сбить удалось, перекрыв подачу топлива, он чуть подстих, Петр открыл створки на полную, затем прикрыл их, и гореть вроде как перестало. Лишь временами из-под капота вырывался какой-то липкий пар. А до ближайшего берега – 46 километров, Ахтарский или Широкий полуостров. Он подобрал оптимальный угол, довернул под ветер. А крылышки у «ишачка» хоть и широкие, но короткие. Альтиметр откручивает метры до поверхности, а горизонт как прилип к далекому далеко. Море только-только начало освобождаться ото льда, навигации еще нет, лед весь покрыт разводьями и лужами. Первую неделю как тепло, март месяц. Купаться – интереса никакого. Даже если выпрыгнуть, то все равно – смерть, только от холода и воды. После того, как высота упала до трех, стало понятно, что дотянуть до берега не удастся. Петр вытянул декомпрессор и начал раскручивать винт.

Контакт! Отпущен трос декомпрессора. Двигун схватил. Но из девяти цилиндров работают от силы пять или шесть, но скорость возросла до двухсот двадцати. Высоту машина набрать не могла, но пролетела еще 27–30 километров. Затем пришлось отключать движок, потому что появился дым. Так, дымя и раскачиваясь из стороны в сторону, с бессильно повисшим винтом, дотянули до зарослей камыша, прорубили в них дорожку, скользя по льду. Двигатель опять загорелся, пришлось выскакивать из машины со снежным огнетушителем в руках и через открытые жалюзи брызгать под капот углекислоту. А потом пехом, по сплошной воде, в унтах шлепать часа три до рыбколхоза в Садках, в Приморско-Ахтарском заливе.

По возвращению «домой» ему еще и выговорили, что ориентироваться на земле не умеет. Оказывается, в четырех километрах от места падения есть наблюдательный пункт погранвойск НКВД, обозначенный на картах маленькой пирамидкой. В три раза ближе, чем колхоз. Но вышку и навигационный знак они обозначили, а строения не показали. Этот значок на карте он видел, но есть ли там люди, он не знал. Впрочем, к этой аварийной посадке все отнеслись безразлично. Выкрутился? Не погиб? А наказывать не за что, все под богом ходим. Аварий в авиации было с избытком, ругали только за «со смертельным исходом», когда ругать было уже некого. Никаких «черных ящиков» с самописцами и МАКа (межгосударственного авиационного комитета) еще не было. Расследование аварий частенько поручалось их виновникам. Авиации было всего три десятка лет, советской авиации – еще меньше.

В середине мая состоялся выпуск. Петр сменил, наконец, сухопутную фуражку на морскую (такой вот нонсенс: курсанты второго курса носили командирскую форму ВВС с курсантскими петлицами и командирскую фуражку ВВС, а в штатную форму авиации РККФ переоделись только после выпуска. Полевая форма была тоже «зеленая». Особым шиком считалась устаревшая синяя шевиотовая гимнастерка и такие же галифе). На выпускной вечер каким-то образом пробралась «рыбачка Соня», имевшая виды на лейтенанта авиации, с которой он познакомился в рыбколхозе во время вынужденной посадки. Пару раз они встречались на воскресных танцах в клубе училища. Но дальше обнимашек дело пока не продвинулось. Жила она у черта на рогах, в 70 километрах по прямой, но чтобы попасть в Ейск, ей требовалось



преодолеть пятьдесят километров морем и пятьдесят на попутках или автобусом. Или чисто автобусом 250 километров через станицы Переяславская, Каневская, Ново- и Староминские или Ясенскую. Не наездишься. Своего жилья у курсанта не было, так что все увольнения только до отбоя. В 00.00 должен быть на проходной и сдать увольнительную. В общем, на личную жизнь времени не было. После танцев провожал до «автовокзала» – низенькой глинобитной хаты, в которой местное начальство расположило кассы и поставило несколько стульев для ожидающих. В воскресенье, по многочисленным просьбам «любительниц танцев», двери в зал ожидания на ночь не закрывали. Но только в теплое время года.

Рыбы на Азовском море было много, стоила она – копейки. Рыбаки больших денег не получали. Был у них кое-какой приварок от икры и балыков из осетра и белуги, которых возили сдавать в Ростов и Краснодар в коопторг, но это ж сезонно. Тая пыталась продавать рыбу и на рынке в Ейске, чтобы оправдать поездки. Но это не поднимало ее в глазах местных обитателей, будущих летчиков. Нет, торговать на рынке не было позорно или запретно. Просто товар пахучий, а соль и запах рыбы накрепко въедается в кожу и одежду. Сами курсанты предпочитали либо невест из родных мест, либо «городских», с образованием не ниже техникума или училища. Курсантских свадеб в училище практически не было, изредка у двухгодичников, и то «по залету».

Форма была получена еще две недели назад, отдана портному, который ее подогнал по фигуре, аккуратно пристеганы все положенные нашивки и эмблемы. Возня с этими атрибутами занимала все свободное время. Три раза обменивал кобуру для пистолета, хотелось иметь новейшую, со шлевками под шомпол и с более удобным кармашком для запасного магазина. И с латунью на пряжках, чтобы блестела. В мечтах он уже был на Балтфлоте и перебирал места, где ему хотелось бы служить. Склонялся к Кронштадту, на Шепелевском аэродроме. Но на последнем построении, когда вручали документы и предписания, с горечью услышал, что назначен командиром первого учебного звена четвертой учебной эскадрильи родного училища. Восторженный шепоток, пробежавший по строю, сослуживцы получали должность на две ступени ниже, не смог исправить ему настроение. Ейск все-таки дыра-дырой, по сравнению с Ленинградом. Он же собственноручно вписал в предварительное распределение Балтфлот, 13-й ИАП. Нравилось ему число 13, он был тринадцатым по списку, из тринадцати претендентов попал на «сокращенку», его позывной был «тринадцать», и смерти он избежал в той самой аварии 13 марта. Стал считать, что ему везет с этим номером. После того как строй распустили, чуть ли не бегом подбежал к командиру эскадрильи:

– Тащ майор! Разрешите обратиться?

– Ну, валяй, – ответил Михаил Григорьевич, который до самого конца хранил «военную и государственную тайну» о том, что лейтенант Ночных должен приобрести самую дорогую и быструю губозакатывающую машинку и принять командование над еще двумя инструкторами, старше и опытнее себя, и девятью курсантами, не считая технического состава и младших авиационных специалистов.

– Я по поводу предписания, товарищ майор. Я ж не потяну, это ж какая ответственность, а я только училище закончил и по сокращенке.

– Ты это, Петя, Петр Васильевич, на плачься. Тянул и будешь тянуть этот воз, помогая мне и курсантам быстрее встать на крыло. Заслуги твои оценили, но спрашивать с тебя будем вдвойне, потому как молодой, и без всяких скидок. Думаешь, я не хочу по Невскому фланировать в такой форме, чтобы все бабы в округе на шею вешались? Еще как хочу. Отпуск получил? Езжай в свой Питер, пофорси, а к началу занятий как штык в эскадрилья. Дел будет – во! – и майор провел ребром ладони себе по горлу.

– Есть! Разрешите идти?

– Свободен! К Христофорычу можешь не соваться. Мы вместе это решили, – обрезал он последнюю надежду.

Я сам в эти Петины заморочки не вмешивался, чем бы дите ни тешилось... Но он серьезно расстроился, и только в Ленинграде я понял истинную причину это стремления попасть в Ленинград. И вовсе не из-за матери или сестры. Мелькало несколько раз женское имя, но я не знал о ней ничего, поэтому значения этому не придавал. По гарнизону с первого мая объявлена форма одежды № «рас», вырядившись во все белое, бывшие курсанты отбывали в свой первый «командирский» отпуск. В основном это были 18–20-летние пацаны, которые бреются еще через день-два или не бреются совсем. Четвертая эскадрилья, а там народ был постарше, вся расположилась в одном вагоне с сидячими местами. Большинство из них уже успело посетить забегаловки и распивочные. Впервые за год их за это наказывать нарядами вне очереди не могли. С рынка притащили прошлогоднее вино, как только тронулись, оно пошло по кругу. Первая пересадка в Ростове, который славился своей вокзальной комендатурой, поэтому пришлось урезонивать желающих продлить удовольствие тем, что на вокзале будут патрули. На всякий случай мы, с еще четырьмя лейтенантами, вышли в Батайске и там пересели на ленинградский скорый поезд «Минеральные Воды – Ленинград». На Балтфлот из «ленинградцев» попал только один – Дмитриев. В этом году оттуда заявка на истребителей была совсем маленькая. Там требовались летнабы, разведчики и бомберы. Шестеро этих счастливиц ехали еще в двух вагонах. Так как поезд проходной, то места достались в разных купе. Впрочем, никто об этом не жалел. В вагоне было полно молоденьких женщин, возвращающихся из отпуска на строительство Верхнесвирской ГЭС. Шумно и весело добрались до Ленинграда, перед которым обменялись адресами со случайными попутчицами.

В Ленинграде – холодно, форма одежды – «три», пощеголять в белом мундире не удалось. Уговоры, что, мы из Ейска, не помогли. Прямо на вокзале в комендатуре заставили переодеться в форму «три» и сказали, что если еще раз увидят в одежде не по форме, то отдыхать мы будем до самого окончания отпуска.

– Видали мы на... «чей флот»! – Мощное предупреждение! «Балтосы» нормального языка не понимают, приборзели!

Фиг с ним, переоделись в темно-синее. Так и вправду теплее. Петр «отменил» какой-то визит и поехал на трамвае на Ваську. Ключ не подошел к входной двери, и пришлось отправиться во «Фрунзе», к матери на работу. Дежурный по училищу подтвердил, что мать на парах. Не на парáх, а на пáрах. Пара закончится через десять минут, и ее вызовут, лейтенант. А в чем дело?

– Ну, тащ капитан-лейтенант, я только что выпустился в Ейске. Час назад приехал на Московский. Это – моя мать.

– Посыльный! Бегом в триста двадцатую, сообщи Евгении Владимировне, что ее сын приехал! Шустро, шевели ножками, курсант! Зовут как, лейтенант?

– Петром.

– Я три года назад училище закончил. Она у нас русский и специальность преподавала. Ну, в общем, дисциплину по специальности. Вот такой препод! За ключом – просто «бог». Это – твоя мама?

– Да.

– Везет! Пройди в дежурку. Чаю хочешь?

– Ну, только если за компанию.

– Сивков! Чаю! – изобразил адмирала дежурный по училищу.

Мать вошла на проходную с обратной стороны минут через десять. Обняла, расцеловала и передала новые ключи от входа.

– Петенька, у меня еще две пары, сходи домой, поешь, я скоро. Вырос-то как!

Вообще-то он ни сантиметра не прибавил за это время. Смущенно улыбнулся, взял ключи и пошел в соседний, через один, дом на набережной. Поднялся на третий этаж, потом отве-

чал на вопросы соседей, его напоили чаем, накормили. Всем было интересно, где учился Петр и чего достиг. Затем появилась мать, они пересели за стол в большой комнате. Там исчез свадебный портрет Ивана и матери.

– Он больше здесь не живет. Мы развелись более полугода назад. Живем втроем: я, Вера и Нина. Ждали тебя. Ты – навсегда?

– Нет.

– Надолго?

– Имел пятьдесят шесть дней отпуска, осталось пятьдесят пять.

– Поняла. Есть хочешь?

– Нет! Соседи накормили. Хотелось бы сходить в школу, но вместе с тобой и сестрами. А что с Иваном не поделили?

– Да стоит ли рассказывать? Не живет он здесь больше. Тебе не сообщала, чтобы не волновался. Даже легче стало, так что не бери в голову. Проехали.

На следующий день, забрав из садика и яслей двух сестричек, семейство прошло на 10-ю линию и заглянуло в 27-ю школу имени Бунина. Там ничегошеньки не изменилось практически, только вместо Анны Михайловны, секретаря, сидит бывший комсорг школы Катя. На ней уже нет накрахмаленного белого фартука, она постриглась и успела забеременеть. В общем, времени не теряет, дорабатывает до декрета. Настойчиво отводит разговор о муже в сторону, дескать, он у нее весь из себя секретный. Скорее всего, какой-нибудь «секретарь», и вовсе даже не муж. Но это ее проблемы. Виктор Николаевич на месте, он показывает Петру журнал «Радио всем», в котором он опубликовал статью о платините. Статья неплохо написана, указывается, что создал сплав Петр, а описал его ВикНик, исходя из имеющегося образца.

– Да, не предупредил я вас, что этого не надо делать.

– Почему? Это было необходимо, чтобы зафиксировать твоё авторство.

– Виктор Николаевич, журнал этот читаем не только мы с вами, но и люди из немецкого и японского посольств. Впрочем, ладно, проехали, хотя нам на политзанятиях читают, что война неизбежна, и это будет война моторов.

– Ну, это же не мотор... – немного смущенно заметил «физик».

– А связь – это один из элементов боя, – вступилась за сына мать, преподававшая в училище не столько русский язык для первокурсников, сколько криптографию и шифровальное дело второму и четвертому курсам. – Будь у моего мужа с собой рация, мы бы успели направить к Ак-Ташу маневренную группу. Но связи не было, и он погиб.

Затем двое суток за окном лил дождь. Петр даже начал жалеть, что не поехал в Ялту, хотя и там еще купаться холодно. Наконец, утреннее солнце разбудило его, и в распахнутое окно пахло летом. Убедившись, что термометр перевалил за 25, к двум часам он начал чистить белые ботинки, отглаживать белые брюки и китель, который он носил с белым шарфом из парашютного шелка под стойкой. Орденов и медалей не было, обошлись значками ГТО и «Ворошиловский стрелок». Еще в Ейске он провернул одно дельце, и в его командирскую книжку был вписан номер пистолета отца и заверен печатью воинской части № 13820. Поэтому Петр расстегнул треники от кобуры с полученным ТТ и повесил на них старинный добротный «комиссарский» маузер с личной подписью «И. Ст.». Он добавлял «солидности» вчерашнему курсанту и школьнику.

Такие тщательные сборы, естественно, привлекли мое внимание, но я не вмешивался, тем более что старый пистолет был вытаскен из кобуры, разобран, вычищен и смазан. Из трамваев он выбрал «пятерку», которая свернула на мост лейтенанта Шмидта и через некоторое время остановилась возле Мариинского театра. Лейтенант направил свои стопы в сторону, которой я никак не ожидал: он подошел к консерватории. Не замечал у него любви к музыке. По дороге был приобретен какой-то веник. Он явно кого-то ждал. Дело чуть не испортил комендантский патруль, но обошлось только проверкой документов, хотя капитан-лейтенант несколько раз

неодобрительно посматривал на «маузер», но, обнаружив соответствующую запись в командирской книжке, отдал честь и пожелал успехов.

Тут из дверей консерватории вышла девушка в легком платьице, носочках и светлых туфельках на небольшом каблучке. Она едва протиснулась в дверь, так как у нее в руках был футляр со здоровенной скрипкой, виолончелью. Этого нам только и не хватало для полноты ощущений. У девушки явно прослеживаются польские или белорусские гены: светловолосая, нос с легкой горбинкой, даже не голубые, а ярко-синие глаза, сухие тонкие губы. Петр оторвался от памятника и направился к ней. Они, оказывается, знакомы! Подарив веник, Петр ухватился за рукоятку футляра. Вообще-то, на ремне за спиной ее тащить проще. Называл он ее Летта.

Она приняла легкомысленное предложение Петра прогуляться пешком, так как давно не виделись. Они вышли по Майорова на Мойку и пошли по нечетной стороне в сторону Невского. Здесь «недалеко», это примерно пара километров. Пару раз Петр находил предлог, чтобы остановиться и поставить чертову виолончель на камень набережной. Они прошли ЛЭИС и остановились у подъезда, украшенного четырьмя сидящими медными львами. Напротив находился парк, скрывавший кузницу жен командного состава ВМФ – педагогический институт имени Герцена. Неловкая заминка, девушка перестала рассказывать о ричекарах Доменико Габриелли и о составе нового камерного оркестра, перехватила инструмент в свои руки, чуточку помялась и предложила испить чаю. Вот только папа болеет, поэтому возможны казусы.

– Он у меня профессор, и не любит военных, хотя и сам был когда-то военным.

Они поднялись на третий этаж, с инструментом в лифт они не влезали. Девушка покрутила звоночек, и дверь открыла дородная женщина в фартуке.

– Мариша, это мой друг Петр, сделайте нам чай. Петр, вот тапочки, проходите в столовую, я сейчас.

В столовой вся мебель была белой и очень массивной. Еще до появления Летты туда вошла Мариша, которая вкатила небольшой столик на колесиках и поставила на стол большой и маленький круглые фарфоровые чайники, сахарницу, варенницу, расставила чашки из китайского фарфора, масленку, разложила столовые приборы из старинного серебра. Все делалось быстро и молча. Никаких изучающих взглядов. Ей – лет шестьдесят, плюс-минус. Движения отточенные, профессиональные. Даже чашки не звякали. Вошел курчавый, весь седой, короткостриженный мужчина в китайском, украшенном драконами, шелковом халате. У него был немного смешной нос, уточкой, и «борцовские», низко посаженные уши. Неприятное выражение создавали близко и глубоко посаженные глаза. Лицо было болезненным и злобным. На вид ему было больше пятидесяти, стариком он не был. Петр встал и представился:

– Лейтенант Ночных, Петр.

– Михаил Александрович. Здравствуйте, лейтенант.

– Папочка! Как ты себя чувствуешь?

– Спасибо, Летта, немного лучше.

– Давайте пить чай.

Отец Летты сел на стул, не придвигая его к столу, на самый кончик, положил обе руки на стол, но не на локти, а чуть ниже, раскрыл масленку и начал намазывать тонким слоем сливочное масло. Наколоч двузубой вилкой пару ломтиков твердого сыра и положил это на бутерброд. Отхлебнув чая и тщательно прожевав откушенный кусок бутерброда, неожиданно спросил у дочери:

– А с каких пор ты стала интересоваться военными?

– Мы познакомились до того, как Петр стал летчиком.

– Вот и дай ему от ворот поворот. В авиаторы идут какие-то примитивные люди, амёбы. Их интересуют только три вещи: ручка, случка и получка. При этом вечно просят: дайте нам то, се, пятое, десятое.

– Амёбы размножаются делением, товарищ профессор. Их случка интересовать не может. Позвольте спросить: что ж вы такое преподаете, что у вас авиаторы что-то просят?

– Радиотехнику.

– А! Действительно просим, а нам присылают РСИ-3, вместо РСИ-3М, хотя это изобретение авиаторов, а не радиотехников. Я, пожалуй, пойду, засиделся.

– Постой-постой, Ночных, говоришь? Это тот, который 3М сделал, оксидный катод и лучевой тетрод? Так это ты этот гадюшник расшевелил! Ну-ка, ну-ка, прошу, чай мы потом попьём, Летта. Нам с товарищем поговорить надо.

Фамилия у Михаила Александровича была Бонч-Бруевич. Его имя позже носил ЛЭИС, институт связи. Для тех, кто абсолютно не в теме, сообщаю, что этот человек изобрел триггер, на основе которого работает вся вычислительная техника. Именно это устройство позволяет выполнить сложение в сумматоре, из которых состоит в основном процессор, которым вы пользуетесь, что в телефоне, что в смартфоне, что в компьютере.

Когда мы закончили говорить, Виолетты дома не оказалось, она фыркнула и ушла на какой-то концерт. Ее магнетроны, волноводы, резонаторы и стоячие волны совсем не интересовали. На следующий день она вышла из консерватории не одна, а с каким-то молодым человеком, которому она демонстративно сунула в руки свою виолончель, а букетиком Петра, который он попытался ей подарить, очень точно попала в урну. Сиди, лейтенант, на скамеечке и размножайся делением, амёба!

Петр вначале воспринял это как личное поражение, даже хотел напиться по этому поводу, но я контролировал ситуацию, употребления спиртных напитков я не допустил, напомнил ему, что его пригласили в лабораторию, и мы поехали на Крестовский остров, где располагался так называемый НИИ-9. Достав из нагрудного кармана записку Михаила Александровича, Петр попросил разрешения позвонить по внутреннему телефону начальнику лаборатории Дмитрию Малярову. Тот радостным голосом сообщил, что пропуск на Петра заказан, ждут. Бюро пропусков оформило бумажку, и охрана рассказала: как найти «русистов». Если бы не их объяснения, в жизни бы не нашел. Небольшой домик под могучими липами и дубами, а справа на полянке весьма странное сооружение, в котором я не мог ничего опознать. Судя по всему, это и есть антенна. Ну и нагорожено! Петя постучался в дверь, которая оказалась запертой, оттуда выглянула голова, на петлицах у которой было четыре кубаря и скрещенные молнии. Дверь открылась шире, капитан протягивал руку и проговорил:

– Николай Алексеев, можно просто Коля.

– Петя, Петр Ночных.

– Проходите, приятно познакомиться.

Несмотря на болезнь, здесь же находился Михаил Александрович. За решетчатыми дверцами таинственно горели катоды, временами шелкали какие-то реле. Шелестели бумагой самописцы.

– Вот, Петр Васильевич, это и есть будущий артиллерийский локатор, о котором я вам вчера говорил. Мы тут без вас начали обсуждение, на основе тех записок, которые я вчера сделал.

И мы подключились к разговору. Всех смущал вращающийся узел волновода, о котором вчера мы не успели переговорить.

Пока ехал на Крестовский, я успел создать у Петра картинку РЛС и отдельных ее частей, поэтому для Петра-художника не составило никакого труда изобразить в разрезе переход от прямоугольной к круглой форме волновода и обратно, показав штыри, с помощью которых волна Н10 сохранит поляризацию и без искажений будет передана на излучатель в подвиж-

ной части антенны. Отлично были изображены регулируемые поршни, позволяющие настроить этот узел, роликовые или шарикоподшипники, уплотнения и раструбы.

– Тут Петр Васильевич говорит, что плотность магнитного поля можно значительно повысить в магнетроне, если применить вместо феррита смесь неодим-железо-бор или неодим-иттрий-кобальт.

– Да, первый можно использовать просто как смесь тонко помолотых ингредиентов, которые можно скрепить какой-нибудь смолой, а второй это сплав, его можно катать и собирать как ферритовые пластины.

И никто из присутствующих не задавался вопросом: откуда Петр это все знает, он был «величина» в этом узком мире создателей сложных электронных приборов. Человек, который перевернул мир вакуума. С этими ребятами удалось договориться, что их исследования пойдут по закрытой тематике. Вполне удовлетворившись прошедшими консультациями и оставив кучу качественных рисунков и эскизов будущим разработчикам, они с Михаилом Александровичем удалились на извозчике, который «принадлежал» ЛЭИСу, в котором Бонч-Бруевич был проректором по науке. От приглашения зайти и попить чайку Петр вежливо отказался.

– Что, не смогли помириться с Леттой? Не обращайтесь к ней, она и меня к моей работе ревнует. Мы, мужчины, должны быть выше этого. Ладно, не смею задерживать.

У Дворцового моста кучер придержал лошадь, Петр спрыгнул с дрожек и пошел в сторону дома, время от времени приветствуя встречных командиров.

В течение отпуска окончательно решился вопрос с девушкой, они так и не помирились, хотя напоследок все-таки сходили несколько раз в театры. Там Петр понял, что он никогда не сможет увлечься ни классической, ни популярной музыкой, это время он использовал для того, чтобы выполнить наброски карандашом в полутемном зале или для расчетов расстояния между электродами в кварцевых стабилизаторах частоты. Дело было в том, что, в очередной раз встретившись с Маляровым и Алексеевым, теперь в присутствии Авдеева, с помощью которого хотели уменьшить объем и вес аппаратуры, сам собой возник разговор о нестабильности задающих генераторов и противодействии противника, который может забить канал связи помехами. И РСИ-3, и более новая РСИ-3М настраивались на земле. В воздухе у летчика не было возможности перенастроить станцию, она стояла за бронеспинкой, и ее настройки были физически зафиксированы с помощью фиксаторов. Петр предложил использовать многоканальную систему, которая так же настраивалась на земле, но пульт управления, в виде кнопок с фиксированными каналами, выводился в кабину. В присутствии помех в этом случае появлялась возможность переключиться на дублирующие каналы. Такое же устройство, но более мощное, предлагалось и для РЛС. Для этого требовался кварцевый стабилизатор частоты на основе обратного пьезоэффекта. Кварцы выпускал широко известный в узких кругах завод «Аккорд» на Апрашке, а вот резонансом в кристалле кварца еще никто в СССР не занимался. Вот и пришлось остатки отпуска потратить на то, чтобы дома и в лаборатории «Светланы» собрать и обработать данные по этому явлению, в зависимости от физических размеров кристалла и расстояния между клеммами. Работы выполняло человек пятнадцать, круглосуточно, на пяти установках. Их обобщили и опубликовались в журнале ФИАН, публикацию в котором «пробил» член-корр Бонч-Бруевич.

Но, как и все хорошее, отпуск рано или поздно заканчивается. Вновь скорый поезд до Батайска, а там «кукушка» до Ейска. Ему «выделили» квартиру, комнату в городе в поднаём, который оплачивала КЭЧ училища. Хозяйка – Мария Ивановна, сразу предупредила: никаких баб и пьянок, что не так, сразу сообщу комиссару училища, с которым лучше было не связываться. Три шкуры дерет.

А работы навалилось столько и еще полстолько, что и вздохнуть поначалу было некогда. И все больше бумажная. Заполни то, заполни это, выпиши, подпиши, ознакомься, отчитайся.

«А что у вас в звене с партийно-комсомольской работой?», «Где план политзанятий с четырьмя разными группами военнослужащих?» и тому подобное. Петр уставал так, что частенько домой и не ходил. Зашел как-то, так Мария Ивановна пристала: с кем это он ночами охальничает, и чего это он ее со своей избранницей не знакомит? Мне очень захотелось ответить за Петра, но мы оба сдержались.

Привезенных стабилизаторов хватило только на две машины. Но и на них пока ставить их не было надобности. Подобные приспособления требовалось установить и на СКП. Но для этого кварцы должны иметь стандарт и прописанные частоты. А с этим, естественно, возник бюрократический «затык». Никаких известий о том, что что-либо происходит. Тем более на фоне грозных событий, происходящих на западе и востоке. Похоже, немцы хотят «коридор» прорубить, Данцигский. А в Монголии уже полгода идут непрекращающиеся провокации самураев. Еще в отпуске газеты написали, что нашим летчикам удалось захватить господство в воздухе. Дополнительно перебрасываются войска и техника. В июле стало известно, что командующий авиацией РККА находится под Халхин-Голом. Предстоят упорные боя с японской авиацией. 23 июля японцы перешли в наступление, а воздухе шла рубка между нашими и японцами. По статьям в газетах нашим удалось удержать инициативу и остановить врага через два дня. С 21 по 26 июля японская сторона потеряла 67 самолётов, советская только двадцать.

В звене было девять курсантов до августа, 2 августа прошел дополнительный набор, и их стало восемнадцать. Сократили программу для «сокращенки», хотя ребят прислали очень опытных, с большим налетом на У-2, но это же не «ишак»! У него свои и очень грозные «особенности». Инструкторам работы, само собой, прибавилось. Стало, вежливо говоря, не до технического творчества. С утра полеты, потом теоретические занятия с вновь прибывшими по устройству И-16 и УТИ-4, и по трем двигателям, стоящим на вооружении звена. Обед, пока курсанты спят, проверка готовности машин к вечерним полетам, затем практические занятия с вооружением и по тактике. Вновь полеты, ужин и затем, во время самоподготовки, опять проверка готовности машин. После каждой проверки писанина и подготовка к следующим занятиям по теории. А это – запись всего занятия, с расценовкой, и подпись командира эскадрильи в конце конспекта каждого занятия. Инструкторы как взбеленились, строчат рапорты с просьбой отпустить их воевать. А большинство из них старше Петра по званию и дольше служат в училище. Просто так из кабинета не выставишь, да и кабинетом этот закуток было не называть. Пришлось повесить над столом объяву, чуть ниже портрета наркомфлота: «Заниматься вопросами формирования ударного кулака в Монголии не уполномочен. Обращайтесь выше». Надо отметить: помогло. Отстали.

Все это происходило потому, что попал с корабля на бал. Конспекты инструктора пишут, как только ими становятся, начиная с минимальной должности, и хранят их как зеницу ока. Дома у нас вся нижняя полка в большой комнате, где книги стояли, была уставлена черными, прошитыми, 96-страничными тетрадами в коленкоровом переплете. В них были ответы на все вопросы, которые могли возникнуть у курсанта или рядового летчика, для всех моделей самолетов, начиная с Р-63, на котором стал старшим летчиком, заканчивая Су-27. Вечером, придя с полетов, отец выкладывал из командирской сумки или планшета те, которые становились больше не нужны, и клал туда другие. Когда переучивался сам на новую машину, то писал новые. Штампик «ДСП» (для служебного пользования) на каждой, и в них история боевого применения данного типа машин.

15 сентября начались переговоры с японцами, 16-го было подписано мирное соглашение и планам «Япония до Байкала» уже было не суждено сбыться. 17-го начался освободительный поход в Западные Белоруссию и Украину. За десять дней вернули себе потерянные в Гражданскую войну территории и вышли на «линию Керзона», международно признанную западную границу бывшей Российской империи. Но этим все не закончилось. В «Красной Звезде» регулярно появляются сообщения о провокациях на северо-западе СССР. Предыстория конфликта

находится аж в 1816 году. У победителя Наполеона зачесалась правая пятка, и он подписал автономию Финляндского княжества, якобы в приступе благодарности маршалу Франции Бергнандоту, новому шведскому королю, за то, что тот сохранил нейтральный статус Швеции во времена русско-французской войны. Если помните, то этот самый «победитель» «Москву, спаленную пожаром», французам сдал. Принял присягу у генерала Мороза и вошел в Париж. Во время нашей революции в Чухле высадились немцы, две дивизии, и они подавили отряды Красной гвардии на территории Финляндии. Затем моча ударила финнам в голову, и родилась идея, что весь русский Север – это Финляндия. Тогда как «Финский удел» – это территория Аландов плюс западная часть современной Финляндии примерно до Порккала-Удд. И на север финны особо не рвались, там жили лапландцы, а это совсем другой народ. Но у народа никто не спрашивал, заправляли там со времен Новгородского вече шведы. Они захватили эти территории, и с ними шла длительная и кровавая война. Шведы начали проигрывать только Петру, который провел первую индустриализацию России. Он вернул Водьскую пятину, новгородские земли, в состав России, а заодно и Финский удел к рукам прибрал. После Петра много что происходило, но побережье Финского залива с того времени принадлежало нам. Северную столицу требовалось защищать, и ее оборона начиналась у Моозунда и Гангута. Но, повторяю, русский кавалергард, швед по национальности, Маннергейм и группа генералов, примыкающих к нему, довольно удачно оттяпали у РСФСР приличные куски, как на востоке, в Карелии, так и на севере, выйдя на норвежскую границу, хотя Финляндия никогда выхода в Баренцево море не имела, и граница там установлена в незапамятные времена по договору с... Данией, которая потеряла норгов, проиграв их шведам. Гром орудий под Полтавой восстановил русско-датскую границу, которую стали считать русско-шведской. Пограничные каменные знаки там стоят везде. И никакая «Финляндия» там не числится. Но во временной оккупации эта территория находилась.

Переговоры ничего не дали, и дело медленно, день за днем, двигалось к войне.

Как я уже писал, в училище было две эскадрильи с «переучкой», там обучались командиры ВВС РККФ на новые самолеты. В данном случае с И-5 на И-16 тип 18, с двигателем М-62, мощностью 860 лошадиных сил. В пятой эскадрилье находился личный состав 5-го ИАП Балт-флота. 1 ноября 1939 года в эту эскадрилью перебросили все УТИ-4 с таким двигателем, за три дня выпустили всех самостоятельно, несмотря на праздники, они летали. Петр провел с ними занятия по разведывательным полетам и «прокатал» личный состав их первой эскадрильи, обучая летчиков полетам с подвесными баками и фотоаппаратурой. 10 ноября «балтийцы» убыли на север, а нам пришло письмо, что НИИ-9 завершил испытания нового локатора и приступает к его войсковым испытаниям. В письме находился список комиссии, в которой числился он. Подписано наркомом обороны СССР маршалом Ворошиловым. Дескать, «Утверждаю».

Остановить Петра было невозможно, он тут же ломанулся к Андрееву. Так как инструкторы 5-й эскадрильи «освободились, и уже существовал приказ о передаче туда части переменного состава, то все это безобразие обрело вполне законные и, даже можно сказать, учебные формы. Официально 1-е звено 4-й эскадрильи направлялось для обеспечения войсковых испытаний нового локатора. Три самолета-разведчика и тоже самолет-разведчик самого Петра. Две пары. Воевать ни Петя, ни комэск Михаил Григорьевич не умеют, да и учиться этому не рвутся. Пока шли от штаба до расположения, я успел немного причесать мысли Петра, но до Кузнецова мне же не достучаться. Они всерьез собираются заказывать перелет в Кронштадт, вместо того, чтобы перемещать туда все звено, машину с радиостанцией, техников и запасные части. Стучусь своими мыслями в тупую восторженную башку Пети: «Ну прилетим? А машины кто будет готовить? Где возьмем запчасти к М-63, если там базируется 13-й авиаполк на М-25В и М-62?» Достучался! Петр взял Кузнецова за рукав и произнес:



## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.